

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2

2016

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2

2016

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2016, №2

Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам **фронтира**. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Тухтарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», старший научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам: Главный редактор журнала (Якушенков Сергей Николаевич)

Email: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам: Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

Email: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	5
------------------	---

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Кирчанов М.В.

Интеллектуальные стратегии советизации как преодоление фронта, или как чувашские националисты формировали социалистический канон в 1920-1930-е г	9
--	---

Торопицын И.В.

Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в.	23
---	----

Сычев М.С.

Тунгачинщина	43
--------------------	----

Черник М.В.

Институты судебной власти внутренней Киргизской орды в Нижневолжском фронтире	52
---	----

Завьялова Е.Е.

«Последнее лето на Волге» Ф.Н. Горенштейна: опыт анализа произведения в контексте фронтирной парадигмы	61
--	----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Саракаева Э.А., Саракаева А.А.

Самопрезентация правителей в условиях фронтирного взаимодействия культур в Южном Китае V в. до н.э.	73
--	----

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Карабущенко П.Л.

Элита и фронтир	92
-----------------------	----

РЕЦЕНЗИИ

Канатьева Н.С.

Астраханский слон..... 105

Романова А.П.

Плененные Кавказом и на Кавказе..... 111

CONTENT

Content	5
---------------	---

RUSSIAN FRONTIER

Kyrchanoff M. W.

Intellectual strategies of sovietization as overcome of frontier, or how chuvash nationalists formed socialist canon of the 1920s and 1930s 9

Toropitsyn I.V.

Cossack service team in cases Kalmyk in the first half of XVIII century 23

Sychev M.S.

Tungachinshchina..... 43

Chernik M.V.

Judicial institutions of the inner Kyrgyz horde of the Lower Volga frontier 52

Zavyalova E.E.

"Last summer on the Volga-river" by FR. Gorenstein: experience of the analysis of the story in the context of frontier paradigm 61

FOREIGN FRONTIER

Sarakaeva E.A., Sarakaeva A.A.

Self-presentation of sotheren China's rulers in the context of frontier cultural interaction (vth c. B.C.)..... 73

THEORETICAL QUESTIONS

Karabushenko P.L.

Elite and frontier..... 92

REVIEWS

Kanateva N.S.

Astrakhanese elephants 105

Romaniva A.P.

Captivated by the Caucasus and in the Caucasus. 111

**INTELLECTUAL STRATEGIES OF SOVIETIZATION IN ORDER TO
OVERCOME FRONTIER, OR HOW CHUVASH NATIONALISTS FORMED
SOCIALIST CANON OF THE 1920S AND 1930S**

Kyrchanoff M. W.

Kärçansen Makşămě (Maksym W. Kyrchanoff), Voronezh State university,
Voronezh, Russia, 394000, Pushkinskaia 16, maksymkyrchanoff@gmail.com

The article is focused on the problems of a history of Sovietization of Chuvash cultural and intellectual discourses. Sovietization of Chuvashia is among practically unstudied problems in contemporary Russian historiography. The author analyzes the cultural and intellectual tactics and strategies of Chuvash intellectuals in contexts of Sovietization they participated in. These problems are analyzed in the context of the modernist and constructivist approach. The author presumes that the mechanisms of the nationalist imagination and invention of traditions were systemic and central for the development of the Soviet form of Chuvash national and political identities. It is presumed that the Chuvash intellectuals tried to combine nationalist and communist discourses. The author believes that some of the Chuvash Communists were Chuvash nationalists and tried to form a Chuvash cultural space, based on a synthesis of the various forms of loyalties and identities. Chuvash intellectuals tried to combine communist loyalty with the ideas and principles of political nationalism. Chuvash nationalists believed that culture, literature and language are among the areas which needed to be integrated into Soviet intellectual canon. Sovietization of identity, its actual imagination and invention become universal strategies to overcome the peripheral cultural status, marginality and general uncertainty while preserving the Chuvash national identity.

Keywords: Chuvash nationalism, identity, frontier, Sovietization, intellectual community, invention of tradition

The missed national futurum in Chuvash political imagination of the 1930s. The Sovietization was an important factor in the development of Chuvash identity, nationalism, political and historical imagination. The process of Chuvash identity institutionalization and further full implementation of the political project of Chuvash nation became possible as a result of the former Russian Empire Sovietization in general. The Bolsheviks radically changed old and archaic imperial landscapes, imagined and invented new territories, and also provided them new political status and new national content.

Chuvashia was no exception from this universal logic of national policy of Bolsheviks. Chuvashia was among the first national regions in the former Russian Empire, which has undergone a formal political institutionalization in the federal model of political landscape organization selected by Bolshevik theorists and practitioners of national policy. The Bolsheviks began to realize their political and national project in Chuvashia in 1920. The project almost

from the beginning had a futuristic character because political steps of the Soviet authorities were not finished, but envisaged their further continuation. The political situation and the status of Chuvash Republic in the Soviet federation in 1920 changed several times. In the 1920 Chuvash Autonomous Region was established. Autonomous Region in 1925 was reformed in Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. The futuristic dimension of the Chuvash national project in the first half of the 1920s developed in the context of new political forms and relationships institutionalization.

The attempts to flirt and compromise between Soviet leaders and ideologically minded Chuvash nationalists also took place. The political texts of the 1920s and 1930s are full with traces of the influence of mainly political and also ideologically calibrated and marked Chuvash national project of future for Chuvash nation. This project of universal Chuvash futurum was proposed by Şeşpël Mişši, but after his death paths of development and directions of Chuvash Soviet, project implementation was radically changed. Chuvash national project of future was started in 1920, but Chuvash nation developed and implemented under strict and tight control of authorities, which strived to control political, cultural and intellectual discourses. The Soviet regime also exclusively selected and determined directions of development of Chuvash identity. Politically verified and ideologically labeled futurism in Chuvash cultural and national context and landscape in the 1920s and 1930s had several forms and expressions. Cultural and intellectual version of Chuvash National futurum emerged and developed in the sphere of literature and literary criticism, but these dimensions of Chuvash identity were harshly Sovietized and integrated into officially adopted, approved and sanctioned by the Soviet authorities Chuvash discourse.

Political versions of Chuvash futurum in the 1920s and 1930s were rare and mostly appeared in the text of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic Constitution. Traditionally historiography of Chuvash Autonomous Republic Constitution is analyzed in the context of public or legal history despite the fact that it was an integral part of national Chuvash version of the future implementation. The authors of the Constitution tried to update narratives of the past and also pointed out that «Chuvash people traveled a long road of hard struggle for their liberation. For many centuries Chuvash labour masses were under the heavy yoke of Russian autocracy. These heroic efforts of Chuvash people expressed in their attempts to defend economic and national independence, culture, language and way of life in the struggle against the oppressors... this struggle merged with the rapid flow of the great popular uprising» (Çăvaş respublĕk... s. 3.)

The text Chuvash Soviet Constitution of 1930 was filled with lengthy historical reflections that formed and maintained Chuvash national discourse.

The Constitution text also declared that «the unequal struggle against the oppressors exhausted and bled Chuvashia. The landlord and capitalist system with its tsarist colonization and Russification policies, economic subjugation and suppression of national identity and culture of the oppressed nationalities brought Chuvash people into poverty. The heinous and hated tsarist policy led Chuvash people to degeneration. The Great October Revolution crushed landlord-capitalist regime, destroyed exploitation and national oppression. Born in civil war flames the Soviet government declared complete self-determination of nationalities» (Çăvaš respublĕk... s. 4).

Chuvash history in the Constitution text was invented and imagined as the main background and also prolonged preamble to Chuvash project future implementation in the Soviet political system. The Constitution text was filled with national and futuristic motifs that actualized future development prospects of Chuvash nation. Therefore, the Constitution declares that «Chuvash labouring masses with working people of the Soviet republics began to build a new life. According to the will of the working masses in Chuvashia Decree of June 24, 1920, formed the Chuvash Autonomous Area ... Chuvash Autonomous Area in the 21st April 1925 was converted in Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic» (Çăvaš respublĕk... s. 4).

These dynamic changes in Chuvash self-determination form in Soviet federation also actualized futuristic dimensions in Chuvash political project. The Constitution actualized futuristic prospects of Chuvash national project in the political dimension, declaring Chuvashia as “socialist state of workers and peasants” (Çăvaš respublĕk... s. 5). The futuristic motifs in the Constitution were significant, and some of its articles and statements «Constitution of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic has the task to guarantee the dictatorship of the proletariat in order to suppress the bourgeoisie and destruction of exploitation of man by man, national oppression, the realization of communism... and establish order without divisions into classes and state power» (Çăvaš respublĕk... s.5) were mostly not frozen positions, but these ideas were understood as an action plan, which should be realized. The Constitution text formally also provided possibility of free political development of Chuvashia in the future: «Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic is free to determine the form of its relationship with federal power and form of participation in federal government of Russian Socialist Federative Soviet Republic» (Çăvaš respublĕk... s. 6 – 7).

Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic Constitution was published in 1930 in Chuvash and Russian languages. Chuvash language text of the Constitution is different from modern literary standards. The spelling of some Chuvash words in the Constitution text is different from the Russified version adopted and used in contemporary Chuvash spelling. For example,

social, political and economic terms and definition were closer to Chuvash pronunciation. The word “tĕp sakkunĕ” was used instead Russified “konsitutsi” (“constitution”) which is indubitable Russism. The word “konsitutsi” was used in the text, but its spelling (“konštittutsi”) is different from the modern standards. Other social and political terms (“Sotsialisamla”, “Respuplĕk”, “Ekonomĕkpe”, “Soyus”, “Feteratsi”) were also spelled in a way which is different from modern norms. These linguistic and also nationally marked norms in the Sovietized Chuvash linguistic imagination were short-lived and they were inevitably ousted by Russified and also Sovietized norms that made nationally oriented Chuvash intellectuals impossible to cultivate futurum concepts in the national coordinate system. Political futrum, fixed in the Constitution text, also had the national character. The Chuvash Autonomous Republic was declared and imagined primarily and predominantly as Chuvash state where «a complete introduction of Chuvash language in all state and public institutions and organizations» (Çävaš respuplĕk... s. 8) was understood as the systemic problem in the coming and further years after the Constitution adoption. The text of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic Constitution also was an attempt to implement national modernization in the power mechanisms of the Soviet model. The central ideas of the Constitution text were filled with futuristic ethnocentric sentiments and the text if the 1930 Constitution was partly proposed in the national coordinate system. The political project of national modernization and Chuvash National futuristic aspirations of the 1920s and the 1930s remained unrealized because since the middle of 1930s central authorities choose a strategy of de facto rejection of real early Soviet federalism principles and took the decision to imitate federalism. Sovietization of Chuvash cultural, intellectual and political landscape did not lead to the final destruction of futuristic motifs and moods among Chuvash intellectuals. The representatives of national orientated Chuvash intelligentsia were was able to save and defend futurism as latent part of Chuvash national character. Futuristic elements and motifs continued to appear and develop in Chuvash cultural and literature traditions where it had the good fortune to find other and formally neutral forms and expressions being integrated into the Soviet ideological canon.

Sovietized Chuvash identity of the 1930s: official discourse. Soviet political experiment in the 1920s and 1930s, on the one hand, stimulated and allowed some forms and elements of loyal and moderate nationalism in Union republics of the USSR and autonomous republics of the RSFSR. Soviet political elites, which were mostly Russian and orthodox communist ideologues who believed in the rightness and historical inevitability of communism, presumed that compromises with national minorities and non-Russian ethnic groups and communities which imagined and reinvent themselves as independent political nations after Revolution, were purely tactical and had temporary character. The

National Union and Autonomous republics were the victims of the inconsistent policy of Soviet political elites. Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic was not an exception from this universal logic of Soviet power.

The elements of the evolved and transformed nationalism that simultaneously coexisted with communism were typical for cultural landscape of Chuvash Republic in the period between two world wars. The fact of the establishment, existence and development of national communism in Chuvash Autonomous SSR in its regional forms is among debatable issues. The Soviet political elite in the 1920s and the 1930s tried to modernize the country that met Revolution of 1917 as one of the most traditional, non-modernized, archaic and backward European continental empires. Intellectual activities of Chuvash intelligentsia representatives were a form of cultural modernization. Chuvash intellectuals who were moderate or more radical Chuvash nationalists between the two world wars were very active in the national imagination, invention of Chuvash history, development of Chuvash language, promotion of the Chuvash literature. A Soviet project of political and social modernization in the Chuvash Autonomous Republic had a strong cultural and intellectual hardcore. Chuvash intellectuals tried to integrate Chuvash identity in Soviet ideological and political canon.

These attempts from historical viewpoint were extremely contradictory. Cultural debates of the 1920s and the 1930s inevitably actualized problems of gradual dying or revolutionary rapid erosion of an old social, political, economic and cultural order which, Chuvash intellectuals presumed, would be replaced by new communist relations. The future idea in Chuvash cultural and political identity of the 1920s and the 1930s and in the emerging Soviet identity, in general, had a futuristic communist base. It was rooted in the revolutionary romanticism and faith in the inevitability of future communist triumph and *progrepp*. Chuvash intellectuals of the 1930s, as well as other intellectuals in the Union and Autonomous republics, were simultaneously creators and formators of new version of national identity, but in the second half of the 1930s they became victims of Soviet political repression when Moscow's political elites tried to revise unprofitable compromise with the national elites but in the first half of the 1930s Chuvash intellectuals still believed and trusted their Moscow curators and mentors.

In the 1933 Communist Academy in Moscow published a very formal and extremely ideologically verified book of Dmitrii Danilov, Ivan Kuznetsov, Iosif Liublin and Sergei Petrov. Their book was focused on the successes and achievements of Soviet national policy in Chuvashia. Dmitrii Danilov, known for his loyalty to orthodox communist ideas, was the most successful author of this book: in 1940 he left Šupaškar for Moscow where he died in 1966. Ivan Kuznetsov was arrested in the 1937 and only in 1955 he was able to return in

Chuvashia where he made the formally successful academic career. The fates of Sergei Petrov and Iosif Liublin were more tragic. Sergei Petrov, who in the 1930s was among the initiators of the forced and violence collectivization, was arrested in 1938. He was sentenced to death, but the conviction was overturned and he died in 1942 in one of the camps on Kazakhstan territory. Iosif Liublin was arrested and executed in 1938. Sergei Petrov and Iosif Liublin were rehabilitated in the 1955 and 1956.

The quartet of Chuvash intellectuals in 1933 believed that their book actualized official communist perception of the Chuvash communist futurum, they believed in. Dmitrii Danilov, Ivan Kuznetsov, Iosif Liublin and Sergei Petrov believed that Soviet Chuvashia developed as the country of potential future because Soviet national policy opened and created new opportunities and horizons that earlier was inaccessible for the oppressed Chuvash nation. Dmitrii Danilov, Ivan Kuznetsov, Iosif Liublin and Sergey Petrov in officially verified and ideologized spirit and style declared that «national and cultural construction is developing in powerful paces after the October gains and achievements. Economic growth and cultural rise of the earlier oppressed peoples, who have become free nations of the USSR, are without doubt. They are actively fighting for Leninist cultural revolution, strengthening of the proletariat dictatorship and the building of a classless society» (Sovetskaia Chuvashiia. s. 5).

The situation of the class struggle and communist construction was perceived by Chuvash intellectuals as a background and foundation for the communist experiment in the autonomous republic. Chuvash ASSR like other regions took part in this ideologically and politically aligned and formatted Soviet future project. Ivan Kuznetsov wrote a lengthy and extremely ideological essay “From a history of Chuvashia” for the 1933 book where he proposed his vision of Chuvash history. Ivan Kuznetsov was one of the first authors who proposed the orthodox scheme of Communist Chuvash history based on Marxist social and economic historicism in its Soviet version.

The history of Chuvashia was imagined by Ivan Kuznetsov as a predominantly socio-economic, its national dimensions and levels were understood as forms and expressions of Chuvash bourgeois nationalism. The futuristic component in political imagination of Ivan Kuznetsov was reduced and expressed predominantly in the development of the politicized and also ideologized narratives of Chuvash history. Chuvash pre-1917 history was imagined only as a pre-history of the October Revolution. Ivan Kuznetsov did not spare colors for creation and promotion of the extremely negative images of ideological Others who, as he believed, «more than a thousand years Chuvash peoples were in the slavery of Chuvash warlords, Tatar and Russian military and feudal cliques, Chuvash-Russian bourgeoisie... Chuvash peasants were

oppressed by Bulgar Khanate in the 12th century... later Chuvash nation was ruled by Tatar khanate» (Kuznetsov, 1933, pp.9 – 10).

In the early 1930s, Ivan Kuznetsov did not pay attention to the accuracy of terms and fidelity of definitions because he suggested that ideological role of history was more mattered. Ivan Kuznetsov wrote, imagined and invented Chuvash history from the class positions. Cultivating and promoting the socio-economic version of Chuvash history, Ivan Kuznetsov modernized some of the social and economic realities of the 19th century. For example, Ivan Kuznetsov dated by the 19th-century genesis of Chuvash proletariat (Kuznetsov, 1933, s. 19). Ivan Kuznetsov in his effort to write ideologically sanctioned history developed and expressed his extremely negative attitude to an activity of Chuvash educators. He presumed that Ivan Yakovlev actually served interests of the ruling political classes and supported of Russification (Kuznetsov, 1933, s. 24).

Chuvash socialist-revolutionaries (esery) and representatives of other bourgeois parties in the imagined conception of history proposed by Ivan Kuznetsov were imagined as class enemies and opponents (Kuznetsov, 1933, s. 37). The establishment of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in RSFSR symbolized Chuvash futuristic levels and dimensions of historical process concept of Ivan Kuznetsov. Ivan Kuznetsov was inclined to imagine Chuvash future as a predominantly communist political project. Chuvash language was imagined as a part of Chuvash modernization project and an element of Chuvash future. Dmitrii Danilov argued that after the October Revolution in Chuvashia developed “new Chuvash literary language”. Chuvash language in Chuvash ASSR, as Dmitrii Danilov presumed, became «the language of the revolutionary era and creation of the masses, which after the October Revolution become active participants in political and cultural life» (Danilov, 1933, pp.110 – 111).

This language was declared by Dmitrii Danilov “revolutionary Chuvash literary language” (Danilov, 1933, s. 111). Chuvash literature history in the first half of the 1930s was imagined in the same methodologically coordinates. Chuvash literature in its historical development was rigidly divided into pre-Soviet and Soviet. Konstantin Ivanov was imagined as the greatest pre-revolutionary Chuvash author, but he was accused by Dmitrii Danilov that he was «poet and enthusiastic singer of broad, lean, rich life of kulaks... he did not know the life of poor. The representatives of the poor classes are interpreted in landscape style. They are represented by Konstantin Ivanov as funny people who live their lives in feasts... as people who lived without cares and worries... Konstantin Ivanov as a poet depended on folklore» (Danilov, 1933, pp.131 – 133).

Chuvash Soviet writers were opposed by Dmitrii Danilov to the pre-revolutionary literature tradition. Şeşpel Mişşi was imagined as «a talented poet, a communist revolutionary product of Chuvash peasantry in the certain historical stage of the proletarian revolution» (Danilov, 1933, pp.146 – 147).

The perception of historical dimension in Chuvash literature in the first half of the 1930s was not developed. Chuvash literature was imagined as part of actual political processes, new communist world and project of Chuvash future. Dmitrii Danilov understood Chuvash literature in the first half of the 1930s as literature where images of politically correct communist future were invented. Dmitrii Danilov developing these political narratives presumed that Chuvash literature was an arena for the ideological struggle against opportunism, the bourgeois survivals and Chuvash dimensions of bourgeois nationalism. The futuristic elements of Chuvash literary process in the intellectual situation of the 1930s were politicized, and the project of Chuvash national futurum was rigidly ideologized and integrated into Soviet political canon and myth. Dmitrii Danilov also tried to actualize modernization futuristic elements in the communist political project in Chuvashia. Dmitrii Danilov contrasted the pre-revolutionary and Soviet social and economic realities of Chuvashia.

Comparing the pre-Soviet and Soviet Chuvashia Dmitrii Danilov argued that Chuvash peoples in the pre-Soviet period were oppressed minority. He also believed that the social and economic relations before the October Revolution were archaic and regressive. For example, Dmitrii Danilov argued that “individual farming” that dominated in Chuvashia until 1917 was based on “barbaric labour of women” (Danilov, 1933, s. 72). Soviet Chuvashia with its newly emerging industry and recently mechanized agriculture in the beginning of the 1930s was opposed in political imagination of Chuvash intellectuals to an old and archaic traditional Chuvashia existed in the pre-Soviet period.

Finding history, taming time: the 1920s and 1930s intellectual debates and their later echoes. The political changes that had revolutionary character institutionalized Chuvash autonomy in Russian Federation and also led to the significant transformations in the political and intellectual situation in the Sovietized Chuvashia. Chuvash intellectuals began to debate about the development of Chuvash language (Timuha Hëvetëřë, 1928; Škulta vërenmelli... 1934; Vanerkke N. 1926; Vanerkke N. 1929) and place and the role of Chuvash nation in history. These discussions actualized “past” and “future” problems of Chuvash nation. Chuvash history was invented and imagined by Chuvash intellectuals as an effective tool for strengthening and development of national identity. The historical studied of the 1920s and the 1930s were widely used for the formation of historicism in its Chuvash version.

The revolution and Chuvash autonomy institutionalization let numerous Chuvash intellectuals to map Chuvashia in the new invented and imagined

political geography of the Soviet Union. Petrov-Tinehpi Mišši was among remarkable representatives of revolutionary generation among Chuvash intellectuals. Petrov-Tinehpi Mišši believed that “Chuvash history” as part of the academic historical studies should be focused on analysis and studies of “Chuvash nation” history. Vanter Kuriĵ (Vanter Kuriĵ, 1921) in the same period tried to cultivate Chuvash historical imagination based in Bulgarian and the Golden Horde narratives. The activities of Vanter Kuriĵ assisted to Chuvashization of history and collective representations about historical past. Petrov-Tinehpi Mišši (Petrov-Tinehpi Mišši, 1928) also believed that in the past the neighbors deprived Chuvash nation right to be the independent and autonomous actor in history. In the 1928 Petrov-Tinehpi Mišši stressed that «the period between the 1236 and 1917 was the period of servitude existence... Russian regime of oppression was the continuation of Tatar oppression period... the wild Asians began the destruction of Chuvash State ... and Russian statehood that was brutally predatory and stupid in its cruelty completed the subjugation of Chuvash nation» (Pervyi Vsechuvashskii kraevedcheskii s'ezd, 1929, s. 63).

Therefore, Petrov-Tinehpi Mišši (Petrov-Tinehpi Mišši, 1925) presumed that Chuvash nation in Russian-Tatar political struggles played the passive role, as Tatars and Russian actually erased Chuvash nation from the history and Russian intellectuals did a lot for its imagination as primitive and non-historical people. Chuvash intellectuals and historians of the 1920s took the first steps towards the creation and institutionalization of Chuvash historical narrative and invention of Chuvash national history. These attempts were extremely negatively evaluated by Chuvash historians of radical and orthodox communist orientation. Ivan Kuznetsov, who was among founding fathers of communist discourse in Chuvash historiography, actively criticized Petrov-Tinehpi Mišši and Vanter Kuriĵ as his ideological opponents. Vasilii Dimitriev, who was among leading Soviet and post-Soviet Chuvash historians, also criticized ideas of nationally oriented Chuvash intellectuals of the 1920s and 1930s and also rejected the concept of separate and independent Chuvash history in general.

If Vanter Kuriĵ, Petrov-Tinehpi Mišši, and V. Smolin (Smolin, 1921) tried to write a history of Chuvashia as national Chuvash history, Ivan Kuznetsov and Vasilii Dimitriev (Dimitriev, 2003) as their ideological and methodological opponents in contrary to them developed the deeply pro-Russian form of history writing. If Chuvash nationally oriented intellectuals invented and imagined Chuvash nation as an active and central subject of Chuvash history, Soviet, and post-Soviet Chuvash historians actually denied Chuvash nation in its historical personality. If Vanter Kuriĵ, Petrov-Tinehpi Mišši, and V. Smolin Chuvashized imagined the category of historical time, their ideological opponents were inclined to invent and imagine Russian influence as an extremely positive basis of Chuvash history, but Chuvash nation in this version

of historical imagination transformed in the silent majority. The main lines and vector of discrepancies and contradictions between Chuvash historians can be mapped and localized in acceptance or rejection of history of Chuvashia as a national form of history.

Vanter Kurijë, Petrov-Tinehpi Mišši and V. Smolin preferred to write a history of Chuvashia in the national coordinate system and they invented it as a national Chuvash history. Their ideological and political critics and opponents, including Ivan Kuznetsov, accused them that they were in captivity of national stereotypes and prejudices. Ivan Kuznetsov accused Petrov-Tinehpi Mišši in the falsification of history. Ivan Kuznetsov presumed that Petrov-Tinehpi Mišši instead writing of a history as class struggle history was active in attempts to write it as a history of “Chuvash people and Chuvash nation” (Kuznetsov, 1930; Kuznetsov, 1931). Ivan Kuznetsov thought that the interest of his opponents in a history of Chuvashia as the folk and national history assisted to ideologization and mythologization of history in general. Historical narratives were actively used for the actualization of images and dimensions of the past historical time in Chuvash identity. Evgenii Pogodin commenting in the late 1990s on the debates and discussions among Chuvash intellectuals between the two world wars, presumed that “the reaction Marxist historicism won Chuvash liberal positivist historicism” (Pogodin, 1999, s 76). Academic studies of Chuvash language and practical attempts of its wide promotion in the 1920s and the 1930s had a dual function.

Conclusions. Chuvash linguists, on the one hand, actualized “past” narratives because the language was invented, understood and perceived by them as a living form of continuity between different historical generations of the imagined Chuvash nation. On the other hand, language also was perceived as an expression of Chuvash nation potential in its “future” dimensions. The dichotomy of “national history” and “national language”, realized and actualized by Chuvash intellectuals in the 1920s and the 1930s, lost its value by the middle of the 1950s when national history finally was forcibly replaced by a history of Chuvash people or a history of Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. These histories were not imagined as Chuvash national because an ideological struggle against the “bourgeois nationalism”, including Chuvash, periodically took place in Soviet and also autonomous republics.

The role of Chuvash language also was gradually reduced. The invented categories of historical landscape and historical time in Chuvash national imagination only formally and nominally continued to exist and function as Chuvash when processes of gradual denationalization and actual Russification assisted to the erosion of national identities among non-Russian nations and ethnic groups of the USSR. The historical and linguistic studies in the 1920s and the 1930s were areas of collective “past” and “future” representations in

Chuvash identity. In the second half of the 20th century mental “past” and “future” narratives migrated in Chuvash literature. This was possible because Chuvash intellectuals of interwar decades Chuvashized categories of history and historical time. They also transformed Chuvash from non-historical inorodtsi into historical Chuvash nation and also formed and proposed the imagined category of Chuvash historical time and Chuvash historicism.

References:

1. *Çăvaş respublĕk tĕp sakkunĕ*. Šupaškar, 1930.
2. *Sovetskaia Chuvashiia. Natsional’no-kul’turnoe stroitel’stvo*. Moskva: Sotsekgiz, 1933.
3. Kuznetsov. I. (1933). *Iz istorii Chuvashii*, Danilov, D., Kuznetsov, I., Liublin, I., Petrov, S. (1933), eds. *Sovetskaia Chuvashiia. Natsional’no-kul’turnoe stroitel’stvo*. Moskva: Sotsekgiz, pp.9 – 10.
4. Danilov, D. (1933), *Klassovaia bor’ba po voprosam iazyka*, in Danilov, D., Kuznetsov, I., Liublin, I., Petrov, S. (1933), eds. *Sovetskaia Chuvashiia. Natsional’no-kul’turnoe stroitel’stvo*. Moskva: Sotsekgiz, pp.110 – 111.
5. Danilov, D. (1933), *Chuvashskaia hudozhestvennaia literatura*, in Danilov, D., Kuznetsov, I., Liublin, I., Petrov, S. (1933), eds. *Sovetskaia Chuvashiia. Natsional’no-kul’turnoe stroitel’stvo*. Moskva: Sotsekgiz, pp.131 – 147.
6. Danilov D. (1933), *Chuvashskaia sovetskaia sotsialisticheskaia respublika*, in Danilov, D., Kuznetsov, I., Liublin, I., Petrov, S. (1933), eds. *Sovetskaia Chuvashiia. Natsional’no-kul’turnoe stroitel’stvo*. Moskva: Sotsekgiz, s. 72.
7. Timuha Hĕvetĕrĕ, 1928. *Çăvaş çĕlhiyĕn krammattikĕ*. Šupaškar
8. *Škulta vĕrenmelli uĕebniksene kĕnĕ terminsem*. Šupaškar, 1934.
9. Vanerkke N. 1926. *Çăvaş çĕlhiyĕn orfokrafi slovarĕ*. Šupaškar
10. Vanerkke N. 1929. *Çăvaşla şırassi. Pravĕlăsempe orfokrafi slovarĕ*. Šupaškar
11. Vanter Kurijĕ, 1921. *Çăvaş halăhĕn istoriyĕ*. Husan
12. Petrov-Tinehpi Mišši, 1928 *Çăvaş istoriyĕ şinĕen. Kĕsken Kalas kăartni. Maltanhi payĕ. Tĕp istoriyĕn yĕrĕsem*. Šupaškar, 1928.
13. *Pervyi Vsechuvashskii kraevedcheskii s’ezd (15 – 21 iyunia 1928 g. v g. Cheboksarah ChASSR). Tezisy dokladov i rezoliuttsii*. Cheboksary, 1929, s. 63.
14. Petrov-Tinehpi Mišši (1925). *Çăvaş halăhĕ – pălhar halăhĕ, Suntal, № 2*
15. Smolin, V. (1921). *Çăvaşsen tĕp aslaşĕsem*. Husan: Izdatel’stvo Tsentral’nogo Chuvashskogo Otdela pri Narodnom Komissariate po natsional’nym delam

16. Dimitriev, V. (2003). *M.P. Petrov (Tinehpi) – deiatel' prosveshcheniia i kul'tury, istorik i etnograf*. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta
17. Kuznetsov, I. (1930), *Çävaş kommunisçësem huşşinçi siltăş sulănçăka tata nationalism hirëş*. Şupaşkar,
18. Kuznetsov, I. (1931). *Natsi ıytăvëpe çävaşsen ilemlë literature*. Şupaşkar
19. Pogodin, E. (1999). *Ob istorizme v izuchenii istorii chuvashskogo naroda, Problemy natsional'nogo v razvitii chuvashskogo naroda. Sbornik statei* Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВЕТИЗАЦИИ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ФРОНТИРА, ИЛИ КАК ЧУВАШСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ ФОРМИРОВАЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КАНОН В 1920-1930-Е ГГ.

Кирчанов М.В.

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, 394000, Пушкинская, 16, maksymkyrchanoff@gmail.com

Статья сфокусирована на проблемах истории советизации чувашского культурного и интеллектуального дискурса. Советизация Чувашии принадлежит к числу малоизученных проблем в современной российской историографии. Автор анализирует культурные и интеллектуальные тактики и стратегии чувашских интеллектуалов в контекстах советизации. Эти проблемы анализируются в контексте модернистского подхода. Автор полагает, что механизмы националистического воображения и изобретения традиций имели системное и центральное значение для развития советской формы чувашской национальной и политической идентичности. Предполагается, что чувашские интеллектуалы пытались сочетать националистический и коммунистический дискурсы. Автор полагает, что некоторые чувашские коммунисты были чувашскими националистами и пытались сформировать чувашские культурные пространства, основанные на синтезе различных форм лояльностей и идентичностей. Чувашские интеллектуалы пытались соединить коммунистическую лояльность с идеями и принципами политического национализма. Чувашские националисты полагали, что культура, литература и язык принадлежат к числу сфер, которые было необходимо советизировать и интегрировать в формирующиеся советский интеллектуальный канон. Советизация идентичности и ее фактическое воображение и изобретение стали универсальными формами преодоления периферийного культурного статуса, маргинальности и категорий фронтирности и неопределенности в развитии национальной чувашской идентичности.

Ключевые слова: чувашский национализм, идентичность, фронтир, советизация, интеллектуальное сообщество, изобретение традиций.

Библиографический список:

1. Чăваш республĕк тĕп саккунĕ. Шупашкар, 1930.
2. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Москва: Соцэкгиз, 1933.
3. Кузнецов. И. (1933). Из истории Чувашии, Данилов, Д., Кузнецов, И., Люблин, И., Петров, С. (1933), ред. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Москва: Соцэкгиз, сс. 9 – 10.
4. Данилов, Д. (1933), Классовая борьба по вопросам языка, Данилов, Д., Кузнецов, И., Люблин, И., Петров, С. (1933), ред. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Москва: Соцэкгиз, сс. 110 – 111.
5. Данилов, Д. (1933), Чувашская художественная литература, Данилов, Д., Кузнецов, И., Люблин, И., Петров, С. (1933), ред. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Москва: Соцэкгиз, сс. 131 – 147.
6. Данилов Д. (1933), Чувашская советская социалистическая республика, Данилов, Д., Кузнецов, И., Люблин, И., Петров, С. (1933), ред. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Москва: Соцэкгиз, с. 72.
7. Тимуха Хĕветĕрĕ, 1928. Чăваш чĕлхиĕн крамматтикĕ. Шупашкар
8. Шкулта вĕренмелли учебниксене кĕнĕ терминсем. Шупашкар, 1934.
9. Ванеркке Н. 1926. Чăваш çĕлхиĕн орфографи словарĕ. Шупашкар
10. Ванеркке Н. 1929. Чăвашла ыраси. Правĕлсемпе орфографи словарĕ. Шупашкар
11. Вантер Курийĕ, 1921. Чăваш халăхĕн историйĕ. Хусан
12. Петров-Тинехпи Мишши, 1928 Чăваш историйĕ çинчен. Кĕскен Калас кăтартни. Малтанхи паĕ. Тĕп историйĕн ыĕрĕсем. Шупашкар, 1928.
13. Первый Всечувашский краеведческий съезд (15 – 21 июня 1928 г. в г. Чебоксарах ЧАССР). Тезисы докладов и резолюции. Чебоксары, 1929, с. 63.
14. Петров-Тинехпи Мишши (1925). Чăваш халăхĕ – пăлхар халăхĕ, Сунтал, № 2
15. Смолин, В. (1921). Чăвашсен тĕп аслашшĕсем. Хусан: Издательство Центрального Чувашского Отдела при Народном Комиссарате по национальным делам
16. Димитриев, В. (2003). М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения и культуры, историк и этнограф. Чебоксары: Издательство Чувашского университета
17. Кузнецов, И. (1930), Чăваш коммунистсем хушшинчи сылтăш сулăнчăка тата национализм хирĕш. Шупашкар,

18. Кузнецов, И. (1931). Наци йытăвĕпе чăвашсен илемлĕ литературе. Шупашкар
19. Погодин, Е. (1999). Об историзме в изучении истории чувашского народа, Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сборник статей Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**СЛУЖБА КАЗАЧЬЕЙ КОМАНДЫ ПРИ КАЛМЫЦКИХ ДЕЛАХ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

Торопицын И.В.

Торопицын Илья Васильевич, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: itoropitsyn@mail.ru

Российский фронт и его жители в последнее время привлекают все больше внимания отечественных и зарубежных специалистов. В центре исследований оказываются самые разные стороны российской пограничной действительности. Немало трудов посвящено истории российского казачества, на формирование и развитие которого фронт оказал самое непосредственное влияние. Фактически казака в России можно считать типичным представителем фронта, так как вся его жизнь проходила в непосредственной близости от границы, в тесном соприкосновении со всеми ее опасностями. Казак легко впитывал в себя элементы культуры соседних народов, обогащая свои собственные навыки новым опытом, необходимым для жизни в пограничье. Довольствуясь минимальной помощью со стороны государства, казак самостоятельно обустраивал свою жизнь на приграничной территории и одновременно выполнял важные государственные функции по контролю над границей своей страны. Все это делало казака в глазах российских властей вполне подготовленным человеком для решения различных задач, требовавших взаимодействия с соседними народами. По этой причине российские власти нередко прибегали к услугам казаков в тех случаях, когда использование регулярных войск в силу разных причин признавалось нецелесообразным. Наглядное представление об этом демонстрирует деятельность казачьей команды, сформированной для обеспечения охраны калмыцкого хана в XVIII в. Изучение данного вопроса позволяет глубже понять специфику внутренней политики России в отношении Калмыцкого ханства в первой половине XVIII в., а также расширить наше представление о российском фронте в Нижнем Поволжье.

Ключевые слова: Россия, Нижнее Поволжье, казаки, калмыки, XVIII в.

Вступление

Нижнее Поволжье длительное время оставалось специфической территорией русского государства. В течение первых двухсот лет со времени вхождения края в середине XVI в. в состав Московского государства немногочисленное русское население проживало в основном в городах и крепостях. Окрестности Астрахани обжили юртовские татары, а в степях безраздельно господствовали сначала ногайцы, а впоследствии калмыки, подчинившие себе в XVII в. часть кочевого населения Нижнего Поволжья. Взаимоотношения всех этих разных групп населения нельзя было назвать идиллическими. Однако астраханским властям удавалось поддерживать хрупкий межнациональный мир в крае, не позволяя

местным народам усомниться в том, кто представляет в Нижнем Поволжье интересы русского государства, подданными которого все они считались.

В первой половине XVIII в. внутривластная ситуация в Нижнем Поволжье обостряется. Калмыки, бывшие некогда грозной силой для соседних народов, начинают испытывать сильное давление со стороны внешних сил. С запада на них начинают нападать кубанские татары (ногайцы, подчинившиеся Крымскому ханству), а с востока им постоянно угрожают набегами казахи (Торопицын, 2008; Торопицын, 2009; Торопицын, 2011в). После смерти хана Аюки среди калмыцких владельцев начинаются внутренние междоусобицы. Русским властям приходится вмешиваться в происходящие в улусах события для нормализации обстановки в Калмыцком ханстве. Для оперативного взаимодействия с калмыцким ханом верховной властью России учреждается должность специального российского представителя. В его распоряжение придается воинская команда, сформированная из типичных жителей российского фронта — казаков, на которую была возложена задача по защите калмыцкого хана от врагов.

Методология исследования

Служба при калмыцких делах была одной из важнейших служебных обязанностей, возложенных русским государством на казаков поволжских городских команд, созданных в начале 1720-х гг. Несмотря на то, что это направление их служебной деятельности отмечалось исследователями, обращавшимися к истории астраханского казачества либо его отдельных команд (Бирюков, 1911а, стр. 142-143; Цыбин, Ашанин, 2002, стр. 48-50, 58, 61-63; Плешаков, 2008, стр. 23), каких-либо подробностей данной службы авторы не приводят, ограничиваясь самыми общими формулировками.

И.А. Бирюков полагал, что служба при калмыцких делах для городских казаков началась в 1727 г. (Бирюков, 1911а, стр. 151). Однако исследования более позднего времени и во многом автобиографическое сочинение советника Коллегии иностранных дел В.М. Бакунина свидетельствуют, что с самого начала существования в Поволжье казачьих городских команд местные власти и официальные лица, на которых возложили ведение калмыцких дел, использовали городских казаков в процессе взаимодействия с калмыками (Торопицын, 2011а).

По сути, эта сторона деятельности казаков Нижнего Поволжья лишь обозначена в историографии. Говорить о том, что она изучена так же, как служба астраханских казаков на кордонных постах против казахов или при ставке хана Внутренней (Букеевской) орды, не приходится. Поэтому данная тема заслуживает пристального внимания и изучения. Ее

освещение позволит лучше понять особенности внутренней политики России в Нижнем Поволжье, территория которого до строительства во второй трети XVIII в. укрепленной линии по Нижнему течению реки Яик и Азово-Моздокской укрепленной линии на Северном Кавказе сохраняла все типичные черты фронта.

Создание казачьей команды при калмыцких делах

В 1715 г. для охраны хана Аюки была создана специальная команда под началом стольника Д. Бахметева, в состав которой вошли драгуны и казаки. По указу от 22 декабря 1720 г. драгуны из этой команды были переведены в Астрахань, а само подразделение развернуто в драгунский полк (Пальмов, 1929, стр. 48), который был сформирован для экспедиции на Терек, намеченной астраханским губернатором А.П. Волынским. Судьба казаков этой команды неизвестна, возможно, они были отпущены по домам или их определили в другую службу. В целом же данный факт Н.Н. Пальмов связывает с дальнейшим усилением роли астраханских властей во внутренних делах Калмыцкого ханства. Он отмечает, что с 1721 г. забота о безопасности калмыцкого хана стала обязанностью астраханского губернатора, который должен был осуществлять ее по своему рассмотрению (Пальмов, 1929, стр. 48, 111-112).

На практике это реализовалось не только в смене представителей российских властей при калмыцком хане (в июле 1721 г. Д. Бахметев был отстранен А.П. Волынским от калмыцких дел, которые были переданы другим лицам), но и в изменении характера самой службы при калмыцких делах. После Д. Бахметева к калмыцким делам был определен подполковник Н. Львов, при котором в качестве помощника состоял капитан В.П. Беклемишев. Новые лица не имели при себе войск за исключением небольшой команды, в их обязанности входило не охранять хана, а наблюдать за его действиями и докладывать о них в Астрахань. Как поясняет Ж.Б. Кундакбаева, к моменту прибытия Н. Львова на Нижнюю Волгу все драгуны были отправлены в Персидский поход, поэтому в Астрахани ему выделили вместо них казачью команду (Пальмов, 1929, стр. 47; Цюрюмов, 2007, стр. 160; Кундакбаева, 2005, стр. 112).

В историографии не уточняется, что это были за казаки. Как уже упоминалось, команда стольника Д. Бахметева, состоявшая из драгун и казаков в количестве 600 «служилых людей», была выведена из ханского улуса в Астрахань. Известно также, что в Астрахани с начала 1720-х гг. находилась двухсотная казачья команда, командированная с Дона. Возможно, по этой причине здесь не была сформирована местная казачья команда по типу тех, что были созданы в других городах Нижнего

Поволжья. Впрочем, могли быть и другие варианты комплектования казачьей команды, подчиненной Н. Львову.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что городские казачьи команды появляются в поволжских городах после того, как фактически расформируется команда, находившаяся для охраны хана Аюки. При этом численный состав новообразованных команд был сопоставим с той, что состояла ранее при калмыцких делах. Вряд ли эти события можно отнести к разряду совпадений. По всей видимости, А.П. Волынский предполагал использовать казаков городских команд для решения калмыцких дел по мере необходимости в зависимости от складывающихся обстоятельств. Необходимость в этом диктовалась сложной внутривластной обстановкой в калмыцких улусах, разобщенность между которыми усилилась после смерти в апреле 1724 г. хана Аюки. В этой ситуации уследить за всеми событиями, происходящими в калмыцкой среде, а владельцы кочевали на обширном пространстве отдельными улусами, было сложно.

Правительство позаботилось о том, чтобы В.П. Беклемишев, сменивший Н. Львова у калмыцких дел, имел возможность оперативно сообщать о событиях в улусах. В его распоряжение были переданы 24 драгуна при одном унтер-офицере (Пальмов, 1929, стр. 116-117). Но для сбора информации в калмыцких улусах или выполнения других поручений они малогодились, так как для этого требовалось, по крайней мере, владение калмыцким языком, который был знаком многим местным казакам. Поэтому с первых лет службы казаки городских команд начинают выполнять различные поручения по калмыцким делам. Фактически вместо одной команды, состоявшей при Д. Бахметеве, российские власти начинают привлекать для решения калмыцких дел казаков разных городских команд Нижнего Поволжья (Торопицын, 2011а, стр. 54-59).

Следует подчеркнуть, что созданию упоминаемой выше казачьей команды предшествовало длительное обсуждение в Верховном тайном совете вопроса о необходимости ее учреждения для службы при калмыцких делах. Инициировал перед правительством этот вопрос генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын после изучения положения дел в калмыцких улусах. Поводом для его обращения в Верховный тайный совет стала информация о готовящемся нападении каракалпаков на калмыков, о котором сообщил в феврале 1726 г. из Астрахани состоящих при калмыцких делах майор В.П. Беклемишев. Наместник калмыцкого ханства и другие владельцы, опасаясь вражеского набега, обратились к российским властям за помощью, просили артиллерийские припасы и другое вооружение для организации отпора каракалпакам.

На случай подобных угроз, а они могли последовать не только со стороны каракалпаков, но и со стороны крымских татар и других народов, российскими властями была выработана тактика, предполагавшая использовать для обороны калмыков драгунские полки, в том числе те, что стояли на Царицынской укрепленной линии. Однако ситуацию осложняло то, что среди калмыцких владельцев не было единства, которых, по словам В.П. Беклемишева, нельзя было убедить собраться под защиту русского оружия. В этой ситуации «драгунским полкам в таковой обширной степи и дальности (калмыки кочевали в междуречье Волги и Куры. – *И.Т.*) маршировать за ними и охранять может быть не без трудности, – указывал генерал-фельдмаршал, – и провианту на довольствие завезти не возможно, и опасно, чтоб вымания войски не могли отдать в плен». Поэтому князь М.М. Голицын предложил учредить для охраны калмыков воинскую команду по типу той, что состояла под командой Д. Бахметева, приставленного для защиты хана Аюки.

Генерал-фельдмаршал считал, что для этой цели следовало создать команду из «нерегулярного войска», набранного в Царицыне, Самаре, Камышине, Черном Яру и в других ближайших городах, которая должна была служить «с переменою». Кроме того, он считал возможным выделить «по их калмыцкому желанию» две полковые пушки из местных гарнизонов. Эта команда («легкие люди» и артиллерия), по мнению князя М.М. Голицына, должна была состоять в постоянной готовности в распоряжении майора В.П. Беклемишева, чтобы тот мог использовать ее в случае необходимости для обороны калмыков (СИРИО, 1886, стр. 343-346).

Данный вопрос рассматривался Верховным тайным советом несколько месяцев. Изучение проблемы затянулось из-за того, что долго определялись с тем, кого следует послать к калмыцким владельцам для их примирения, к тому же казанский губернатор А.П. Волынский выехал за пределы губернии и некому было предоставить сведения о численности нерегулярных войск в Казанской губернии. 5 октября 1726 г. императорским указом Военной коллегии было предписано рассмотреть вопрос о создании воинской «нерегулярной» команды и придании ей двух пушек с амуницией для обороны калмыков от неприятелей, а так же «для страху их самих владельцев, которые будут чиниться противны». В постановлении Верховного тайного совета говорилось, что этот вопрос следовало рассмотреть оперативно. Власти опасались, что внутренние смуты среди калмыцких владельцев могли развиваться настолько, что калмыки начали бы нападать на российских подданных или ушли бы из страны (СИРИО, 1887, стр. 178-179).

Уже на следующий день Военная коллегия постановила «для охранения калмыцкого наместника и ево фамилии учредить особливую команду», в составе 200 человек из состава слободских полков, которые располагались ближе к Волге, и 100 конных казаков из Царицына, Камышина и других городков Астраханской губернии. «А буде из тех городков возможно нарядить и больше ста человек, – отмечала Военная коллегия, – то разсмотря ежели от того опасности не будет, взять и до двусот человек». Командиром этой команды назначался майор В.П. Беклемишев. Его команде придавались две полковые чугунные пушки, которые приказано было взять из наличных в Астраханской губернии. Характер службы казаков в команде при калмыцких делах (постоянная она будет или попеременная) должен был определить генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын.

Однако при российском дворе сочли данные силы явно недостаточными, чтобы они могли оказывать решающее влияние на события в Калмыцком ханстве. Поэтому 17 октября того же года императорским указом было предписано немедленно учредить специальную команду в количестве 300-400 человек, дополнив ее конными казаками из поволжских городов и из слободских полков, чтобы количество нерегулярных сил в команде было не менее 600 человек, как когда-то состояло при калмыцком хане Аюке (СИРИО, 1887, стр. 468-469).

9 декабря 1726 г. Верховный тайный совет вновь вернулся к вопросу охраны калмыков от внешней угрозы и внутренних смут. Было предложено назначить в команду майора В.П. Беклемишева 300 или 400 человек из регулярных войск, к которым прибавить 300 конных казаков из городов Казанской и Астраханской губерний и еще столько же из слободских полков. Окончательное решение по этому вопросу было утверждено императорским указом от 21 декабря 1726 г. Состав команды В.П. Беклемишева, который другим указом в тот же день был произведен в подполковники, определялся в 900 человек, из которых 600 назначались из слободских полков, а 300 – из казачьих городовых команд Поволжья. При необходимости к калмыцким делам разрешалось привлекать регулярные полки, стоявшие на Царицынской укрепленной линии, и яицких казаков, которые служили на Черемшанских форпостах (СИРИО, 1887, стр. 433, 578, 583).

В марте 1727 г. генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын изложил Верховному тайному совету свое мнение по вопросу формирования команды при калмыцких делах. Он обратил внимание на тот факт, что в Казанской губернии отсутствовали нерегулярные войска, а те, что имелись, в основном были задействованы для службы на Черемшанских форпостах, в то же время в Астраханской губернии общая

численность казачьих городских команд составляла 657 человек. Из этого числа необходимо было выслать триста человек на перемену тем, что служили в Низовом корпусе. Но так как обойтись без такой команды в калмыцких делах было невозможно, генерал-фельдмаршал предложил не посылать в Гилян триста человек на смену поволжским городovým казакам, а назначить их в команду при калмыцких делах. До решения этого вопроса князь М.М. Голицын попросил астраханского губернатора генерал-майора И.А. фон Менгдена не высылать в Прикаспийские провинции России сменную партию казаков из поволжских городов (СИРИО, 1888, стр. 522-523).

Данный вопрос разрешился положительным образом (Лишин, 1894, стр. 19). В 1727 г. состав команды, состоящей при калмыцких делах, окончательно определился, и она приступила к своим обязанностям. В нее вошли равным количеством по 300 человек донские, слободские и поволжские городové казаки. 9 августа 1727 г. в Верховном тайном совете рассматривался вопрос об увеличении денежного жалования определенным «для обережения калмыцких владельцев» конным казакам из поволжских городов, который поставила Военная коллегия. Она отмечала, что казаки в городских командах Поволжья получают разное денежное и хлебное жалование, которое она признавала недостаточным для того, чтобы они могли содержать себя в готовности для выполнения задач по калмыцким делам. Согласно представлению генерала-фельдмаршала князя М.М. Голицына, казаки поволжских городских команд должны были служить при калмыцких делах бессменно, получая по 10 рублей жалования в год (СИРИО, 1889, стр. 473, 476).

Таким образом, необходимость формирования специальной казачьей команды для решения калмыцких дел была продиктована как внешнеполитическими, так и внутриполитическими соображениями российских властей. При ее формировании были учтены потребности в численности, а также возможности различных нерегулярных войск и команд Юга России. Для обеспечения службы данной команды правительство страны пошло на увеличение денежного жалования поволжским казакам, и хлебного для донских и слободских казаков.

Особенности службы казачьей команды при калмыцких делах

Как уже было отмечено, в 1727-1728 гг. данной казачьей команде пришлось в основном заниматься не охраной наместника Калмыцкого ханства, а русских селений от калмыцких набегов. Более того, в 1729 г. данная команда рассматривалась властями в качестве части русских войск, которые должны были нанести удар по улусам владельца Дондука Омбо, который, как указывает В.М. Бакунин, «давно уже был указам

императорским не послушен и во всем противен» (Бакунин, 1995, стр. 64-65).

Особое негодование у российских властей вызывал тот факт, что Дондук Омбо вместе с другими владельцами планировал нападения на донские казачьи городки и хотел вступить в турецкое подданство. Так как уговоры на данных калмыцких владельцев не действовали, то Верховный тайный совет признал необходимым смирить их силой оружия. Разработка этой операции была поручена генералу-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну. Свое мнение по этому вопросу он изложил в записке, поданной 26 марта 1729 г. В ней предлагалось нанести неожиданный удар по улусам Дондука Омбо силами регулярных и нерегулярных войск численностью до пяти тысяч человек, которые планировалось собрать в районе городов Петровска или Саратова. Их основу должны были составить армейские полевые и казачьи полки, а также 900 казаков, состоящих в команде при калмыцких делах. Военное руководство операцией князь М.М. Голицын предложил поручить генерал-лейтенанту Чекину (СИРИО, 1894, стр. 547-549).

До военных действий в тот раз не дошло, но в начале 1730-х гг. обстановка в калмыцких улусах обострилась настолько, что российские власти решили перейти от слов к делу и вмешаться в разрастающийся конфликт в Калмыцком ханстве. По свидетельству В.М. Бакунина, в походе русских войск на улусы мятежных владельцев, который возглавил в 1732 г. генерал-поручик князь И.Ф. Барятинский, участвовали наряду с донскими казаками, драгунскими и солдатскими полками, волжские казаки (Бакунин, 1995, стр. 85). Однако известно, что официально термин «волжские казаки» впервые был применен в указе Военной коллегии от 12 ноября 1733 г. в связи с поселением на Волге донских казаков, записавшихся ранее на службу при Царицынской линии, и организацией отдельного Волжского казачьего войска (ПСЗРИ, 1830, стр. 231). Как отмечает А.В. Курышев, к службе при калмыцких делах казаков Волжского войска стали привлекать только с 1735 г. (Курышев, 2009, стр. 92).

Следовательно, в данном случае В.М. Бакунин вел речь о казаках, которые находились на службе при калмыцких делах, так как кроме них и казаков, служивших в городских командах, в то время в Поволжье других постоянных казачьих подразделений, которые можно было бы назвать волжскими, не было. Не исключено, что команда В.П. Беклемишева могла быть усилена на период похода войск князя И.Ф. Барятинского за счет других казаков поволжских городских команд. В этой связи вполне возможно, что термин «волжские казаки» в данном случае был применен В.М. Бакуниным, а в дальнейшем использован в переписке князя И.Ф.

Барятинского с Коллегией иностранных дел в качестве собирательного для обозначения сборного отряда, составленного из казаков разных команд поволжских городов. В пользу этого говорит то, что «волжские казаки» были указаны в Ведомости регулярных и нерегулярных войск Низового корпуса по состоянию на 1 января 1732 г. (112 казаков) (РГАДА, л. 366), когда Волжского казачьего войска еще не существовало. В то же время известно, что в этом корпусе была оставлена для продолжения службы без права замены сборная команда казаков из поволжских городовых команд. Очевидно, этих казаков и считали в то время «волжскими».

Поход, предпринятый от донского Нагавкинского городка на реке Аксай через безводные степи до Волги в район Астрахани, выдался очень трудным. Несколько сот заболевших драгун и солдат были отправлены с марша в Черный Яр. В пути пало и без вести пропало свыше 2800 лошадей. Но о потерях среди поволжских городовых казаков в сочинении В.М. Бакунина не сообщается. Улусам Дондука Омбо удалось избежать встречи с российским войском и уйти на Кубань, но на Нижней Волге войска князя И.Ф. Барятинского захватили улусы двоюродного брата Дондука Омбо Петра Тайшина, претендовавшего на ханское звание. Кибитки, отобранные им ранее у калмыцкого хана и других владельцев, были возвращены хозяевам. Кроме того, у П. Тайшина и других мятежных владельцев, бывших с ним, были захвачены 4100 кибиток, которые русские власти разделили между калмыцким ханом и владельцем Дондуком Даши.

По итогам похода командующий князь И.Ф. Барятинский направил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором предложил наградить донских и волжских казаков частью имущества из улусов мятежных калмыцких владельцев. 30 июня 1732 г. Коллегия иностранных дел направила ему грамоту, в которой, помимо прочего, сообщалось, что «по именному Ее Императорского Величества словесному указу... велено ему взятый донскими и волжскими казаками, также калмыками, при поиске над противниками, скот весь отдать в награждение им за бытность их при нем, князе Барятинском, в походе», что командующим, по словам В.М. Бакунина, и было сделано (Бакунин, 1995, стр. 88, 93).

В последующие годы калмыцкие дела, а вместе с ними и воинские силы, приданные к ним, перешли в ведение командовавшего войсками на Царицынской линии генерал-майора А.И. Тараканова, а после его отъезда на Украину – были поручены полковнику В.П. Беклемишеву. В этот период времени меняется характер использования казачьей команды, состоящей при калмыцких делах. Если в 1720-х гг. она создавалась для защиты наместника ханства от внешних врагов, но употреблялась для обороны русского населения от посягательств калмыков, то теперь ее начинают использовать для охраны калмыцкого хана и его улусов от

других калмыцких владельцев. Так, в 1734 г., обсуждая возможные варианты обеспечения охраны в зимний период улусов калмыцкого хана и других владельцев, кабинет-министры постановили: «В таком случае, если они для зимования перепущены будут за Дон, полковнику Беклемишеву с его командою в зимнее время надлежит быть ниже Царицынской линии в донских казачьих городках и между оными в пристойных местах учредить форпосты и иметь разъезды, и ханские и других владельцев улусы от нападения Дондук Омбы командою его, Беклемишева, и донскими казаками оборонять и до разорения не допускать...» (Бакунин, 1995, стр. 121-122). Как видим, правительство не объединяло команду В.П. Беклемишева и донских казаков. Следовательно, речь идет о команде, которая состояла под его начальством при калмыцких делах.

Во второй половине 1730-х гг. В.П. Беклемишева по настоянию хана Дондука Омбо отстранили от службы при калмыцких делах, ведение которых перешло царицынскому коменданту П. Кольцову. В Астраханской губернской канцелярии эти дела с лета 1736 г. стал курировать астраханский вице-губернатор Л.Я. Соймонов, а после его отъезда в начале 1737 г. в Комиссию башкирских дел - другие лица. В сентябре 1739 г. императорским указом полковнику Л. Бобарыкину поручили «быть при подданном нашем калмыцком хане Дондук-Омбе, ради всегдашнего охранения оного хана с нарочно определенной командою» (Лишин, 1894, стр. 228). Ее численность не позволяла защитить калмыцкого хана от всех нападений. В случае значительного перевеса противников, Дондуку Омбо со своими улусами разрешалось отходить под защиту русских сил в пограничных городах и крепостях, начальники которых должны были действовать согласованно с полковником Л. Бобарыкиным.

С 1737 г. численный состав казачьей команды, состоявшей при калмыцких делах, сокращается до 300 человек. На эту службу наряжалось 100 человек из состава Саратовской команды, 40 человек из состава Дмитриевской команды, 55 человек из состава Царицынской команды, 45 – из Чернойрской и 60 – из Самарской и Алексеевской городских казачьих команд. Как отмечает И.А. Бирюков, из-за малочисленности Дмитриевской команды иногда на эту службу вызывалась поддержка из состава Красноярской городской казачьей команды (Бирюков, 1911б, стр. 501).

В 1739 г. самарских и алексеевских городских казаков перевели на службу в Оренбургскую комиссию. В результате этого состав команды, состоящей при калмыцких делах, уменьшился до 240 человек. В том же году еще 40 казаков из данной команды были выделены в распоряжение царицынского коменданта П. Кольцова, в ведении которого были переданы судебные дела между калмыцким и остальным российским населением в Нижнем Поволжье. Л. Бобарыкин стал осуществлять

административные функции при калмыцком хане (Бирюков, 1911б, стр. 501).

Видоизменяется и характер службы казаков при калмыцких делах. После серии казахских набегов, предпринятых в 1737-1738 гг. на калмыцкие улусы, в которых отсутствовала большая часть боеспособного населения, так как калмыки были привлечены Россией к войне против Турции, перед российскими властями встала задача обеспечить охрану улусов. По реке Волге стали выставлять форпосты. В 1739 г. было определено содержать при калмыцком хане Дондуке Омбо одну роту драгун и двести казаков из поволжских городских команд из числа тех, «которые в 727 году нарочно к калмыцким делам определены» (Торопицын, 2010б, стр. 35).

После смерти в апреле 1741 г. хана Дондука Омбо в калмыцких улусах разгорелась борьба за власть между владельцами. В этой ситуации казачья команда, состоящая при калмыцких делах, оказалась в затруднительном положении, так как непонятно было, кого же ей защищать. В период калмыцкого междоусобия в помощь к полковнику Л. Бобарыкину и астраханскому губернатору князю М.М. Голицыну был направлен саратовский воевода полковник В.П. Беклемишев (Цюрюмов, 2007, стр. 248-249). С целью прекращения междоусобного конфликта в Калмыцком ханстве летом 1741 г. правительством была создана специальная комиссия, которую возглавил тайный советник В.Н. Татищев. Уведомляя Астраханскую губернскую канцелярию о создании Калмыцкой комиссии и направлении в улусы В.Н. Татищева, кабинет-министры обязали местные власти оказать ему содействие. Отдельная грамота по этому поводу была направлена и персонально полковнику Л. Бобарыкину (Попов, 1861, стр. 265).

Но В.Н. Татищев, не ограничиваясь данной ему инструкцией, запросил разъяснения относительно его полномочий, в том числе в использовании войск, приданных для оказания содействия в порученной ему комиссии. На этот счет из Коллегии иностранных дел сообщили: «Беклемишеву, Бобарыкину и другим, в будущих с вами советах, поступать по посланным о том к ним указам, по данной вам инструкции и по государственным правам и генеральному регламенту... Хотя в инструкции и довольно разъяснено о войсках, но еще повторяем, что оными вам действительно командовать и поступать по нашим военным регулам и имеющимся у вас указам» (Попов, 1861, стр. 265-266). Таким образом, мы видим, что В.Н. Татищеву были переданы в распоряжение все войска, предназначенные для Калмыцкой комиссии, в том числе и команда полковника Л. Бобарыкина, состоящая при калмыцких делах.

Фактически эта небольшая команда наряду с отрядом донских казаков стала ядром военных сил Калмыцкой комиссии, на которые ее начальник всегда мог рассчитывать. По этому поводу В.Н. Татищев в письме в Коллегию иностранных дел от 15 октября 1741 г. подчеркивал: «в команде кроме тысячи казаков донских и полковника Бабарыкина никого не имею». Другие войска, определенные ему в помощь, были, по его словам, либо очень далеко от калмыцких улусов, как, например, полки Оренбургского корпуса и Комиссии башкирских дел, либо находились в подчинении генерала-поручика А.И. Тараканова, который на первых порах отказывал В.Н. Татищеву в помощи (Пальмов, 1928, стр. 329).

До начала 1742 г. казаки городских команд, определенные в службу при калмыцких делах, выполняли ее на постоянной основе. Но в феврале 1742 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев, рассмотрев обращение казаков, приказал сменять их другими погодно, «дабы они от долговременного безменного пребывания не пришли в скудость и изнеможение для службы» (Архив, 1870, стр. 211). От этой службы поволжских городских казаков не освобождали даже форс-мажорные обстоятельства. В декабре 1745 г., к примеру, Астраханская губернская канцелярия докладывала в Военную коллегию, что в «городах Черный Яр и Царицын от погорения оных городов казаки еще в состояние не пришли и те за неимением других употребляются у калмыцких дел» и в других службах (Торопицын, 2010а, стр. 101).

О деятельности казачьей команды, состоящей при калмыцких делах, в 1740-х гг. известно не много. В августе 1742 г. она вместе с другими войсками сопровождала калмыцкие улусы ханши Джаны, которые переводились от Астрахани к Черному Яру по нагорной стороне Волги. Во время перехода команда полковника Л. Бобарыкина, находившаяся в голове колонны, выдвинулась вперед и попыталась окружить кибитки, в которых находился владелец Бодонг, так как в его отношении распространялись слухи, что он хочет уйти из России. Бодонг при виде русского отряда действительно бросился бежать со своими людьми и детьми ханши Джан. За ними была направлена погоня, которая остановила около 50 женщин и детей, переняла 500 лошадей и 100 верблюдов, но Бодонгу и детям Джаны удалось уйти в Кабарду (Попов, 1861, стр. 304). Впоследствии выяснилось, что Л. Бобарыкин поверил ложным слухам и спровоцировал побег владельца Бодонга из России. За это его отстранили от дел, а команду поручили майору Г. Аксакову (Попов, 1861, стр. 310).

После основания Енотаевской крепости в 1742 г. на правом берегу Волги между Астраханью и Черным Яром туда была перемещена двухсотная казачья команда, находившаяся в распоряжении офицера,

состоявшего при калмыцких делах, а также рота драгун Астраханского гарнизонного драгунского полка (Торопицын, 2010б, стр. 35; Очерки, 2014, стр. 182). В 1743 г. командиром этой команды был назначен подполковник Н. Спицын, определенный к калмыцким делам. В его ведение передавались не только административные вопросы, но и все судебных дела («разобрание между россиян и калмык ссор»), которыми ранее занимался царицынский комендант, ставший к тому времени бригадиром, П. Кольцов (Лишин, 1894, стр. 344). При этом численность команды Н. Спицына не была увеличена. Следовательно, находившиеся в подчинении П. Кольцова по калмыцким судебным делам 40 городских казаков были определены на другую службу.

И.А. Бирюков пишет, что казаки на службе в Енотаевской крепости, летом располагались лагерем, а на зиму большая их часть распускалась по домам. В крепости оставалось лишь небольшое количество казаков (Бирюков, 1911б, стр. 502). Зимой казаки, служившие при калмыцких делах и на волжских форпостах, сами подвергались немалой опасности, так как в этот период на калмыцкие улусы совершали набеги казахи. В феврале 1746 г., например, подверглись нападению казахов семь казаков, которые перевозили провиант из Енотаевской крепости на Калмыковский форпост, учрежденный в 60 верстах от Чернойрской крепости. Нападавших было около сотни, поэтому казаки вынуждены были спастись «уходом», но одного из них преследователи настигли и ограбили (РГВИА, лл. 80-81об.).

В 1740-х гг. казачья команда, состоявшая при калмыцких делах, не только охраняла наместника ханства, но и наблюдала за его действиями и контактами с другими народами. Так, в октябре 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев поручил полковнику Н. Спицыну принять меры к пресечению продажи калмыками скота за границу. В случае если наместник ханства не захочет иметь при себе в период зимовки на реке Куме полковника с его командой, губернатор поручил Н. Спицыну «под образом якобы для суда случившихся между россиян и калмыками ссор и для переписки» оставить при Дондуке Даши одного дворянина, «придав ему ис казаков надежных и знающих калмыцкой язык двух, да для пересылок четырех человек оставить с достаточным наставлением, чтоб они могли вышеписанное, також и другие бесполезные следствия к противности Вашего императорского величества пользе всякими удобовозможными способами и наведываниями предостерегать». На эти цели и на проживание в улусах В.Н. Татищев приказал выдать дворянину и казакам (четырех курьеров также приказано было выбрать из числа казаков) деньги из имеющейся у полковника Н. Спицына суммы (ГААО, лл. 367об.-368). В мае того же года Коллегия иностранных дел

рекомендовала астраханским властям приставить к кочевавшему на Дону калмыцкому дербетовскому владельцу Лабан Дондуку, которого подозревали в тайных переговорах с кубанцами, одного из дворян с несколькими казаками (Торопицын, 2011б, стр. 139).

Кроме того, как указывает И.А. Бирюков, казаки назначались в разъезды по степи для наблюдения за поведением калмыков и «водворением между ними тишины и порядка, если где таковые нарушались». На их обязанностях была доставка служебных писем к наместнику ханства, а впоследствии и к калмыцкому хану, когда этот институт власти был восстановлен российским правительством в Калмыцком ханстве, и от него к офицеру, состоявшему при калмыцких делах, а также в Астрахань и в другие пункты. Казакам этой команды поручали также охранять и сопровождать арестантов. Наглядно изображая напряженные служебные будни казаков при калмыцких делах, И.А. Бирюков пишет: «В апреле 1747 года полковник Спицын, вследствие замедления в высылке сменной команды из Саратова, доносил А. Г. К. (Астраханской губернской канцелярии. – *И.Т.*), что при нем в ожидании прибытия сменной команды налицо казаков очень мало, а ему нужно ехать к наместнику ханства, чего он, по умалению казаков, исполнить не может, так как наличных людей не хватало в караул при лагере и конском табуне; но казаки больше всего нужны были для окарауливания колодников, «касающихся в воровствах» (Бирюков, 1911б, стр. 504-505).

В 1748 г. Сенат, рассматривая служебные обязанности казаков поволжских городских команд, а также Яицкого и Волжского войск, постановил: «При Калмыцких делах в Астрахани, в команде полковника Спицина, быть казакам, по силе указов 1727 и 1739 годов, 200 челов. с переменою погодно, как то в 1742 г. определил бывший астраханский губернатор, тайный советник Татищев...». В случае неприятельских набегов разрешалось для обороны калмыков использовать казаков из команды подполковника Чемодурова, которой была поручена заготовка соли из Эльтонского озера в Дмитриевский и Саратовский соляные магазины (численность этой команды, также состоявшей из казаков городских поволжских команд, составляла 150 человек) (Витевский, 1889, стр. 262).

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что служба при калмыцких делах для казаков поволжских городских команд была одной из основных обязанностей. На протяжении 20-40-х гг. XVIII в. характер данной службы неоднократно менялся, уточнялись ее задачи и обязанности казаков, вносились изменения в срок несения этой службы. Городовым казакам

Поволжья пришлось участвовать в составе русских войск в военных компаниях как вместе с калмыками против внешних врагов России, так и против отдельных калмыцких владельцев, что было продиктовано политической конъюнктурой времени.

На первых порах во взаимоотношениях с калмыками российские власти эпизодически привлекали казаков из состава городских команд Поволжья. Во второй половине 1720-х гг. решением правительства России из них была создана специальная команда, которая стала заниматься вопросами, связанными исключительно с калмыцкими делами. Первоначально предполагалось, что данная команда будет охранять правителя Калмыцкого ханства от внешних врагов, но прежде ей пришлось охранять от набегов мятежных калмыков российские селения. В дальнейшем казаки данной команды принимали участие в калмыцких междоусобных столкновениях, защищая одних владельцев от других, обеспечивали охрану калмыцкого хана и наместника ханства от набегов других народов, а также выполняли функции политических наблюдателей за поведением калмыцких владельцев.

Библиографический список:

1. Архив князя Воронцова (1870). Книга первая. *Бумаги графа Михаила Илларионовича Воронцова*. М.
2. Бакунин В.М. (1995). *Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
3. Бирюков И.А. (1911а). *История Астраханского казачьего войска*. Саратов. Ч. I.
4. Бирюков И.А. (1911б). *История Астраханского казачьего войска*. Саратов. Ч. III.
5. Витевский В.Н. (1889). *И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.* Выпуск первый. Казань.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 955.
7. Кундакбаева Ж.Б. (2005). *«Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке*. Серия «АИРО-монография». М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин.
8. Курышев А.В. (2009). *Служба волжских войсковых казаков. Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова*. Астрахань: Издательство: Сорокин Роман Васильевич. Вып. I, стр. 90-95.

9. Лишин А.А. (1894). *Акты, относящиеся к истории Войска донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным*. Новочеркасск. Т. II. Ч. I.
10. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева (2014); *Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»*. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС.
11. Пальмов Н.Н. (1928). К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева. *Известия АН СССР*. Серия 7. № 4-7, стр. 319-342.
12. Пальмов Н.Н. (1929). *Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам*. Астрахань.
13. Плешаков И.Н. (2008). *Саратовские казаки в XVIII – начале XIX вв. Новый век: история глазами молодых*. Саратов: Изд-во СГУ. Вып. 7, стр. 23-35.
14. Полный свод законов Российской империи (1830). Т. 9.
15. Попов Н. (1861). *В.Н. Татищев и его время*. М.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Ед. хр. 437.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 188. Ч. 1.
18. Сборник императорского русского исторического общества (СИРИО) (1886). СПб. Т. 55.
19. СИРИО (1887). СПб. Т. 56.
20. СИРИО (1888). СПб. Т. 63.
21. СИРИО (1889). СПб. Т. 69.
22. СИРИО (1894). СПб. Т. 94.
23. Торопицын И.В. (2008). Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. *Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень*. Дніпропетровськ: Изд-во «Пороги». Вип. 4. С. 72–78.
24. Торопицын И.В. (2009). Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. *Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.)*. В двух частях. Часть I. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», стр. 242–246.
25. Торопицын И.В. (2010а). Черноморская казачья команда: к истории формирования и служебной деятельности в XVIII в. II-е

- Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (9 апреля 2010 года).* Астрахань: Государственное предприятие Астраханской области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», стр. 98–104.
26. Торопицын И.В. (2010б). Служба казачьих городских команд в Нижнем Поволжье (первая половина XVIII в.). *Государственная служба казачества: история, современность, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (Старый Оскол, 30 марта 2010 г.) /отв. ред. Г.О. Мацевский.* Старый Оскол: Издательство «Оскол-Информ», стр. 27–43.
27. Торопицын И.В. (2011а) Служба поволжских городских казаков при калмыцких делах в 1720-х гг. III-е *Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (25 августа 2011 года).* Астрахань: Государственное предприятие Астраханской области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», стр. 54–59.
28. Торопицын И.В. (2011б). Российская власть и калмыки-дербеты в 1740-х гг. *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы международной научной конференции (20-23 сентября 2011 г.).* Элиста: КИГИ РАН. Часть II., стр. 136-140.
29. Торопицын И.В. (2011в). Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.). *Тюркологический сборник 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН.* М.: Вост. лит., стр. 330–359.
30. Цюрюмов А.В. (2007). *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений.* Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар».
31. Цыбин В.М., Ашанин Е.А. (2002). *История волжского казачества (к 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц).* Саратов: Приволжск. кн. изд-во.

COSSACK SERVICE TEAM IN CASES KALMYK IN THE FIRST HALF OF XVIII CENTURY

Toropitsyn I.V.

Toropitsyn Ilya Vasilyevich, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan,
Tatishchev Str., 20a. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The problems of Russian frontier and its inhabitants have recently drawn more and more attention of domestic and foreign specialists. These researches centre on different aspects of the Russian frontier reality. Many papers are devoted to the history of the Russian Cossacks, for frontier realities exerted the most direct impact on their forming and development. Actually the Cossacks in Russia can be considered as typical representatives of a frontier nation because their whole life passed in close proximity to the border, in close contact with all its dangers. The Cossacks easily absorbed elements of their neighbors' culture, enriching their own skills with the new experience necessary for life in a border zone. Content with the minimum help from the state, the Cossacks independently settled in the border territory and carried out important state functions of control over the country's border. That's why in the opinion of the Russian authorities the Cossacks were sufficiently prepared for the solution of various tasks requiring interaction with the frontier peoples. For this reason the Russian authorities quite often resorted to services of the Cossacks when the use of active armed forces was considered inexpedient for some reasons.

The activities of the Cossack team created for ensuring protection of the Kalmyk khan in the 18th century can serve an illustrative example. Our research allows to understand more deeply the specifics of Russia's domestic policy concerning the Kalmyk khanate in the first half of the 18th century, and also to expand our idea of the Russian frontier in the Lower Volga region.

Keywords: Russia, Lower Volga area, Cossacks, Kalmuks, 18th century.

References:

1. The archive of Prince Vorontsov (1870). Book first. *Paper count Mikhail Illarionovich Vorontsov*, Moscow.
2. Bakunin V.M. (1995). *Description of the Kalmyk peoples, and especially of them tarotscope, and actions of their khans and owners. Essay 1761*. Elista: Kalmyk book publishers.
3. Biryukov I.A. (1911a). *The history of the Astrakhan Cossack troops*. Saratov. Part I.
4. Biryukov I.A. (1911a). *The history of the Astrakhan Cossack troops*. Saratov. Part III.
5. Vitevskiy V.N. (1889). *I.I. Neplyuev and Orenburg region in its former composition prior to 1758*. First Edition. Kazan.
6. State archive of the Astrakhan region (GAAO). F. 394. L. 1. C. 955.

7. Kundakbaeva J.B. (2005). «*The sign of mercy H.I.M. ...*». *Russia and the peoples of the North Caspian sea in the XVIII century*. The series 'AIRO-monograph'. Moscow: AIRO-XXI; Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin.
8. Kuryshev, A.V. (2009). The military service of the Volga Cossacks. *Astrakhan local history readings: collection of articles / edited by A. A. Kurapova*. Astrakhan: Publishing House: A Novel R.V. Sorokin. Vol. I, pp. 90-95.
9. Lichin, A.A. (1894). *Acts relating to the history of the don Cossacks, collected by major General A.A. Lishin*. Novocherkassk. T. II. Part I.
10. Essays on the history and culture of the Cossacks of South Russia: the collective monograph / Under the editorship of Matishov G.G., Tyumentsev I.O. (2014); *Southern scientific center, Russian Academy of Sciences, the Volgograd branch of FGBOU VPO «Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation»*. Volgograd: Publishing house Volgograd branch FGBOU VPO «Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation».
11. Palmov N.N. (1928). Astrakhan to the time of life V. N. Tatishcheva. *Izvestiya USSR Academy of Sciences*. Series 7. No. 4-7, pp. 319-342.
12. Palmov N.N. (1929). *Studies on the history of the Volga Kalmyks. Part III and IV. Restrictive measures of the government with regard to the Kalmyks*. Astrakhan.
13. Pleshakov, I.N. (2008). Saratov Cossacks in the XVIII – early XIX centuries. *The New century: history through the eyes of young*. Saratov: Publishing house of Saratov state University. Vol. 7, pp. 23-35.
14. Complete set of laws of the Russian Empire (1830). T. 9.
15. Popov N. (1861). *V.N. Tatishchev and his time*. Moscow.
16. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). F. 248. L. 8. C. 437.
17. Russian State Military-Historical Archive (RGVIA). F. 20. L. 1/47. C. 188. Part 1.
18. The collection of the Imperial Russian historical society (SIRIO) (1886). Saint-Petersburg. T.55.
19. SIRIO (1887). Saint-Petersburg. T. 56.
20. SIRIO (1888). Saint-Petersburg. T. 63.
21. SIRIO (1889). Saint-Petersburg. T. 69.
22. SIRIO (1894). Saint-Petersburg. T. 94.
23. Toropitsyn I.V. (2008). Incursions of the Kuban Tartars on Russia in 1715. *Cossack heritage: Almanac of the Institute of social studies*. Dnepropetrovsk: Publishing house «Porogi». Vol. 4. pp. 72-78.

24. Toropitsyn I.V. (2009). Defense Kalmyk uluses in the 30-40-ies of the XVIII century. *The Materials of the international scientific conference «United Kalmykia in a unified Russia: across the ages into the future», dedicated to the 400th anniversary of the voluntary entering of Kalmyk people into the Russian state (Elista, September 13-18, 2009)*. In two parts. Part 1. Elista: ZAO «NPP «Jangar», pp. 242-246.
25. Toropitsyn I. V. (2010a). Chernoyarskaya Cossack team: the history of the formation and service activities in the XVIII century. *II-e Biryukovskoy of Biryukovskoy readings (9 April 2010)*. Astrakhan: State enterprise of the Astrakhan region «Publishing and printing complex «Volga», pp. 98-104.
26. Toropitsyn I. V. (2010в). Service of municipal Cossack teams in the Lower Volga region (first half of XVIII century). *The state service of the Cossacks: history, contemporaneity, prospects: Materials of all-Russian scientific conference (Istanbul, 30 March 2010) /ed. ed O. G. Maciejewski*. Stary Oskol: Publishing house «Oskol-inform», pp. 27-43.
27. Toropitsyn I. V. (2011a) Service policemen Cossacks in the Volga Kalmyk Affairs in 1720-ies. *III-e Biryukovskoy of Biryukovskoy readings (25 August 2011)*. Astrakhan: State enterprise of the Astrakhan region «Publishing and printing complex «Volga», pp. 54-59.
28. Toropitsyn I. V. (2011в). The Russian government and the Kalmyk-derbety in the 1740s. *Humanities of the South of Russia: international and regional cooperation. Materials of international scientific conference (20-23 September 2011)*. Elista: KIGI Russian Academy of Sciences. Part II, pp. 136-140.
29. Toropitsyn I. V. (2011v). Russia and Nogai: search of ways of self-determination and coexistence (first half of XVIII century). *Turkological collection 2009-2010: the Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages / ed. by S. G. Klyashtorny count. (PREV.), T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov / Institute of Oriental manuscripts Russian Academy of Sciences*. Moscow: Oriental literature, pp. 330-359.
30. Churumov A.V. (2007). *The Kalmyk khanate in Russia: problems of political relations*. Elista: ZAO «NPP «Jangar».
31. Tsybin V.M., Ashanin E.A. (2002). *The history of the Volga Cossacks (the 300th anniversary of Saratov, and Tsaritsyn kamyshinskoe Cossack villages)*. Saratov: Privolzhskoe book publishing house.

ТУНГАЧИНЩИНА

Сычев М.С.

414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: ataman_akv@mail.ru
Сычев Михаил Сергеевич, Астраханский государственный университет,

Статья посвящена изучению вопроса участия национальных элит в революционных процессах на фронтирных пространствах бывшей Российской империи – Букеевской орде – административному образованию Астраханской губернии. Установление советской власти на территории населенной киргиз-кайсаками сопровождалось большими трудностями связанными как с природными факторами, в частности, огромными слабозаселенными пространствами, так и исторически сложившимся менталитетом киргиз-кайсаков, сформированным во времена деспотического владычества ханов, отрицавший всякое личное мнение каждого отдельного лица, в частности, и народа в целом. Октябрьский переворот застал киргизское общество не готовым к процессам самостоятельного государственного строительства. Проводниками идей новой власти стала часть киргизской интеллигенции ничего не имевшая общего с идеями социализма, но стремившаяся к власти. В условиях тотальной нехватки национальных кадров в среде большевиков появились энергичные, амбициозные деятели, благодаря революции достигшие властных вершин, но использовавшие в своей деятельности «старые» методы. Таким был М.Х.-Г. Тунгачин, проделавший за короткий период путь от царского чиновника, до комиссара всего края, запомнившийся как приверженец прежних методов в управлении, нанеших огромный моральный и материальный вред новой власти. Практическая значимость данной статьи заключается в разоблачении национального мифа о деятельности М. Х.-Г. Тунгачина и введение в научный оборот понятия «тунгачинщина» - синонима установления революционной власти большевиками, из числа представителей малых народов, на окраинах страны феодально-родовыми методами.

Ключевые слова: киргиз-кайсаки, Букеевская орда, Ханская ставка, большевики, киргизская интеллигенция, Алаш, Уж Жуз, Тунгачин.

При изучении особенностей участия национальных меньшинств в революциях начала XX века и гражданской войны важно учитывать специфику жизнедеятельности и культурных особенностей народов бывшей Российской империи. Исследуя материалы, связанные с деятельностью большевиков по захвату и удержанию власти в Букеевской орде, автор отметил отсутствие серьезного анализа тех событий, как у отечественных, так и у современных казахских исследователей. В исторической науке в борьбе за власть на территории современного Казахстана традиционно выделяется лишь особая роль казахской интеллигенции в революционных процессах, рассматривается

противостояние буржуазной партии Алаш и пробольшевистской партии Уш Жуз. В последние годы появились единичные публикации, в частности Г.Г. Косача, посвященные и межродовой борьбе внутри казахского общества. Однако как отметил А.В.Сушко «...менталитет казахского народа, его культурные особенности, влиявшие на политическую борьбу, в исторической литературе исследованы недостаточно» (Сушко, стр. 329).

Автор считает необходимым отметить, что до октябрьского переворота понятия «казах» не существовало, и народ именовался «киргизами» или «киргиз-кайсаками». Изданная в 1910 году в Санкт-Петербурге знаменитая работа исследователя А. Букейханова так и называлась «Киргизы». Поэтому в дальнейшем в статье будут использоваться именно этнонимы «киргизы» и «киргиз-кайсаки», как они назывались в исторических трудах и архивных документах в изучаемый период.

Цель данной работы – на примере Букеевской Орды изучить значение, особенности, методы захвата власти представителями «новой» киргизской национал-большевистской элиты, апофеозом чего стало появление авантюристов, псевдо-революционеров завладевших доверием центральной власти, а на местах управлявших феодальными методами.

Историческим моментом в жизни киргиз-кайсаков стала дата 11 марта 1801 года, когда император Павел I издал Указ, разрешивший перекочевать этому народу в Волжское Левобережье, где была образована Внутренняя или Букеевская орда, по-другому, Киргизская степь. Киргизская степь разделялась на части и округа, которые в свою очередь делились на старшинства, именуемые к 1917 году волостями, состоящими из аулов. Лучшие земли и большая часть скота в тот период принадлежали потомкам и родственникам ханской фамилии и султанам. Однако к революционным событиям начала 20 века, большую роль стали играть баи, выдвинувшиеся из рядовых казахов и обогатившиеся во многом благодаря развитию товарных отношений.

Автор обращает внимание на то, что киргизы, разбросанные отдельными семьями, со своими стадами, по Волго-Уральской полупустыни никогда не имели общины, как социального института. Каждый номад нес личную ответственность перед своим беком, ханом или султаном. Мыслитель и просветитель киргизов Абай Кунанбаев, слепо верящий, что власть имущих должна помочь своему народу, так писал в 41 «Слове назидания» о его деградации: «Никто не обладает властью, способной запугать нынешних людей. Никому не дано богатство, которого хватило бы на то, чтобы задобрить всех. Не запугав или не

подкупив казаха, невозможно, уговорить или убедить его в чем-либо. Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность. Между собой у них какие-то ужимки и кривлянья, шепотки да двусмысленные намеки, ничего более увлекательного на ум им не приходит. Они пытаются думать, но им некогда сосредоточиться на своей мысли. Говоришь с ними — они и слушать со вниманием не могут; глаза их бегают, мысли разбредаются. Как жить? Как нам быть дальше?»

Автор статьи отмечает, что «во времена деспотического владычества ханов, рабская зависимость народа от них совершенно отрицала всякое личное «я» и его собственность, как отдельных лиц, так и всего народа... Не было никогда у киргиз и строго общественной жизни на началах дружных товарищеских стремлений к общему благу. Они всегда жили своеобразно, индивидуальной жизнью, с единственной единоличной ответственностью только за себя и только перед отдельными лицами, давящими своим авторитетом все их трудовое общество» (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л. 21). Веками вырабатывавшиеся воззрения на происхождение власти кочевой аристократии, превратили киргиз-кайсака в безвольное орудие феодальной и полуфеодальной верхушки.

До Февральской революции в составе Астраханской губернии, как самостоятельная административная единица, находилась Букеевская степь (Букеевская орда), именовавшаяся в то время Внутренней киргизской ордой. На площади более 600 тыс. кв. верст кочевало и оседло проживало до 400 тыс. казахов, татар, ногайцев. Значительное количество казахов проживало в Красноярском и Астраханском уездах. Букеевская орда делилась на 7 округов, куда входило 105 волостей. Административным центром была Ханская ставка, где находилось Центральное управление всей степью, называвшееся Временным советом по управлению Букеевской Внутренней киргизской ордой, во главе которого стоял председатель, назначаемый астраханским губернатором. (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л.18). Февральская революция не внесла коренных изменений в иерархическую систему управления киргизским народом.

Новый орган власти в лице центрального исполнительного комитета Букеевской орды и назначенного ордынского комиссара продолжили ту же политику. Изменения во многом коснулись политической жизни общества. 21-28 июля 1917 года состоялся Первый съезд киргизского народа в городе Оренбурге, который рассмотрел ряд важнейших вопросов. В числе них об образовании партии Алаш, создании территориально-национальной автономии, землеустройстве населения, отношении к религии, положении женщин и др. Председателем движения был избран представитель казахской интеллигенции выдвигавшейся на

первый план политической борьбы за власть, комиссар Тургайской области Алихан Букейханов. Уже на этом съезде стало видно, что новые руководители начинают дистанцироваться от бывших царских чиновников. Так из зала заседания съезда были удалены Абдрахман Мачиев и Мухамедьяр Хан-Гирей Тунгачин, как скомпрометировавшие себя на царской службе.

Решение Временного правительства об образовании Букеевской губернии и проведении земской реформы не изменили ситуации и в руководстве земских управ всех уровней оказались избранными лица из бывших волостных старшин, царских чиновников. Как писал один из лидеров партии Алаш «февральская революция была правильно понята и с радостью встречена казахами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства, а во-вторых подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управлять самостоятельно. То, что вторая революция показалась казахам непонятной объясняется просто: у казахов нет капитализма и классовой дифференциации, даже собственность у них не разграничена...» (Программные документы национальных политических партий и организаций России, стр. 85-86).

Рядовые соплеменники не были в состоянии осмыслить перемены в стране. Большинству из них казалось, что все преобразования ведутся не ради их благополучия, а только ввиду заступничества за них перед новой властью их старых правителей. Поэтому не удивителен факт, когда в составах ревкомов и местных советов, в значительном числе находились представители имущих слоев. Искреннюю поддержку большевикам оказали единицы киргизов, из числа покинувших пределы степи, работавших наемными рабочими и культурно ассимилированными русскими. Проводниками идей новой власти стала часть киргизской интеллигенции ничего не имевшая общего с идеями социализма, но стремившаяся к власти. В условиях тотальной нехватки национальных кадров в среде большевиков появились энергичные, амбициозные деятели, благодаря революции достигшие властных вершин, но использовавшие в своей деятельности «старые» методы.

Таким был М.Х.-Г. Тунгачин, проделавший за короткий период путь от царского чиновника, до комиссара всего края. Мухамедьяр Хан-Гирей Тунгачин был правнуком последнего хана Внутренней киргизской орды Джангира (Мухтарбека) Букеевича Нуралиева. М.Х.-Г. Тунгачин служил переводчиком, военным цензором и чиновником особых поручений при Оренбургском генерал-губернаторстве. Еще в молодости, будущий военный комиссар и большевик, растратил свое наследство. До резкого поворота в его карьере он состоял в должности помощника тургайского военкома. Крайне честолюбивый и не сумевший найти для

себя достойного места в среде буржуазной интеллигенции он переходит на сторону большевиков с целью сделать карьеру. Следует отметить, что в Букеевской орде накануне Октябрьского переворота членов партии большевиков не было.

Астраханские большевики, оказывавшие помощь в установлении Советской власти в Букеевской орде испытывали жесточайший голод на национальные кадры. За короткий промежуток времени, искусно владея революционной фразеологией и склонный к авантюрам, М.Х.-Г. Тунгачин вступает в партию большевиков. Выдавая себя за представителя всего киргизского народа, он выезжает в Москву с идеей создания боевых частей из «революционных киргизов» образцовых степных полков. Благодаря своей находчивости М.Х.-Г. Тунгачин становится членом ВЦИК РСФСР. Позднее, весной 1919 г., когда киргизский отдел Наркомнаца был реорганизован в Центральный комиссариат по военным делам, по прямому указанию В.И. Ленина военным комиссаром был назначен М. Х.-Г. Тунгачин, с местопребыванием нового комиссариата в Ханской ставке (Декреты Советской власти, стр. 18).

Несмотря на то, что новый военком не был рожден на земле своих владетельных предков, ему удалось быстро приспособиться к действительности Астраханского края. Наследники султанов и беков, перешедшие на службу в советские органы, как и рядовые киргизы, признали в нем своего природного вождя. Понимая, что статус необходимо поддерживать, М.Х.-Г. Тунгачин занял лучшие помещения бывшего уездного центра, обставив дома московской мебелью, изъятой у прежних владельцев, на общую сумму 200 тыс. рублей. Для перевозки мебели потребовалось 5 вагонов. Ежедневно он давал званые обеды, совершенно не уделяя внимания своим прямым обязанностям, как, например, строевым занятиям. М.Х.-Г. Тунгачин обзавелся конвоем, вооруженным шашками в серебряной оправе, для которого центр выделил 20 английских скакунов, обзавелся целой свитой «придворных»: командиров несуществующих полков, эскадронов, адъютантов, инспекторов, чиновников по особым поручениям и т.д. (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л.11-17).

Обращение рядовых киргизов к своим начальником предварялось словом «господин». По приглашению военного комиссара в Ханскую ставку прибывали, в качестве военспецов, бывшие царские офицеры. Любой работник Букеевской области, выступавший против Тунгачина, мог быть подвергнут аресту. М.Х.-Г. Тунгачин ловко манипулировал незнанием руководства большевистского правительства положения дел в Киргизской степи. Совершенно непонятно как он получил наряд на отправку в орду 300 жаток, 150 косилок, 15 тыс. кос, в то время когда вся запашка букеевцев составляла около 300 дес. земли. Центр простил

Тунгачину, даже потерю 3000 пудов жмыха, так необходимых строевым лошадям. На «целевые нужды» Киргизскому комиссариату из Москвы присылали автомобили, шампанское, конфеты, фарфоровую столовую посуду и симфонические инструменты. Только один шкаф комиссариата обошелся казне в 23 тыс. рублей, каракуль на папах командному составу - в 100 тыс. рублей, пишущие машинки – в 150 тыс. При этом даже элементарной заботы о мобилизованных киргизах военкомат не проявлял. Призывники ходили голодные и оборванные, в то время как отпущенное из столицы высококлассное английское сукно (70 тыс. аршин), для их обмундирования до места назначения не дошло. Постепенно началось бегство «джигитов» в родные аулы. Четыре пушки были брошены на центральной площади без навеса, а выделенные 10 пулеметов не охранялись. За полтора года удалось создать не более одного конного полка неполного состава (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л.20).

В связи с участвовавшими рейдами уральских и астраханских казаков нависла угроза захвата Ханской ставки. Получив указание от командующего Туркестанским фронтом об ее эвакуации М.Х.-Г. Тунгачин саботировал данное требование. Более того в мае 1919 года в Первом казахском кавалерийском полку был раскрыт контрреволюционный заговор. Лишь решительные действия специального представителя астраханского губкома РКП(б) В.Л. Лукашов позволили арестовать и ликвидировать активных заговорщиков. В этом заговоре был повинен и сам Тунгачин, который лично подбирал кадры для организуемого полка и не осуществлял никакого контроля за ними. Отдельные руководители Букеевской орды, как С. Мендешев, Б. Каратаев и другие, считали, что все нарушения, граничащие с предательством, были допущены намерено, дабы скрыть масштабы хищений. 18 декабря 1919 года Тунгачин был арестован (Ирмуратов, стр. 112).

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение: «Отозвать из состава Кирревкома Тунгачина, предложив Кирревкому выдвинуть вместо него кандидата киргиза партийным путем, принять меры к тому, чтобы этот кандидат был коммунист и во всяком случае советский человек». Самое удивительное, что Тунгачин не сделал никаких для себя выводов. Он обращается с письмом на имя заместителя начальника Наркомнаца, в котором заявляет, что «когда почти вся киргизская интеллигенция пошла за Колчаком и Дутовым, лишь небольшая группа во главе с ним работала в пользу Советской власти». В письме указывалось, что «8 его родственников были зарублены казаками, один брат был расстрелян» и, что все его неприятности только из-за доносов, порожденных родовой враждой (Сушко, стр. 334-335).

Однако правление Тунгачина не было единичным фактом на фронтирных пространствах только Букеевской орды. Ссылаясь на сообщение омской газеты «Сибирский путь» от 4(17)января 1919 года, А.В. Сушко отметил в своей статье, что «в конце 1917 – начале 1918г. в степях Атбасарского уезда Акмолинской области возникло так называемое Киргизское ханство, объединившее несколько волостей. Ханство просуществовало, по крайней мере, до начала 1919 года. Первым ханом был Хассен-Ходж-Бек-Ходжин, один из влиятельных киргиз Атбасарского уезда и кандидат в Учредительное собрание от «Киргизской коммунистической партии Уш Жуз». Показательно, что богатый и влиятельный киргиз Хассен-Ходж-Бек-Ходжин, не нашедший себе достойного места среди членов Алаш-Орды, примкнул к большевикам и, по сообщению газеты «был командирован Омским совдепом для агитации в степи, для объединения всех киргиз Атбасарского уезда, чтобы приобщить их к «святейшей совдепии», по его выражению. И, так как киргизам не чуждо слово «ханство», то большевистский посол пришел к несколько неожиданному заключению, назвать его объединение ханством, а себя провозгласить ханом». Первый хан, как отмечено в статье, «со временем был свергнут, а на его место был избран более влиятельный и богатый» (Сушко, стр. 330-331).

Таким образом, на фронтирном пространстве заселенном киргиз-кайсаками, в условиях децентрализации власти и получении автономии, остро встал вопрос «где же взять состав личного персонала для проведения в жизнь автономии, требующей не просто образованных людей, а людей с более или менее государственным умом и административным чутьем». Приходится констатировать, что после октябрьского переворота и в ходе гражданской войны большевикам не сразу удалось найти в среде киргизской интеллигенции людей способных к руководящей административной работе, потому что большинство из них «дальше партийных раздоров, обычной азиатской хитрости и интриг не идут». Поэтому в большевистской среде того времени, в частности, в Букеевской орде, появление авантюристов с байскими замашками можно считать определенной системой. Автор считает возможным ввести в научный оборот понятие «тунгачинщина», как синонима установления революционной власти большевиками, из числа представителей малых народов, на окраинах страны феодально-родовыми методами.

Библиографический список:

1. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 25.

2. *Декреты Советской власти* (1971). Т.V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. Москва: Политиздат.
3. Ирмуратов, Х.Д. (1967). *Октябрь в ауле*. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство.
4. *Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.): сборник документов* (1996). Выпуск 2. Составитель: В.М. Фомин. В.С. Коновалов, В.В. Кривенький, А.А. Твердохлеб, В.М. Шевырин (Ред.). Москва: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.
5. Сушко, А.В. (2008). Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и гражданской войны в России. *Вестник Тамбовского университета. № 11 (67)*, стр. 329-337.

«TUNGACHINSHCHINA»

Sychev M. S.

Sychev Michael Sergeyevich, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: ataman_akv@mail.ru

This article researches how national elites participated in revolutionary processes on the frontier territories of the former Russian Empire, focusing the Bukeev horde, which was the administrative formation of the Astrakhan province. The establishment of the Soviet power in the territory inhabited by the Kyrgyz-kaysaks was followed by great difficulties such as natural factors - huge weak-settling territories, in particular, and also historically formed mentality of the Kyrgyz-kaysaks, created at the times of despotic dominion of khans, denying both any personal opinion of each individual, in particular, and the people in general. The Great October revolution has found the Kyrgyz society not ready to the processes of independent state construction. A part of Kyrgyz intellectuals, who had nothing in common with the ideas of the socialism but were aspiring after power, became the conductors of ideas of the “new authorities”. In the situation of total shortage of national personnel among Bolsheviks, there appeared vigorous and ambitious figures, who thanks to revolution climbed to the top, but were using "old" methods in their activity. M. H. - G. Tungachin , whose career zigzagged from the tsar’s official to the commissar of all the territory during the short period of time was remembered as the follower of former methods in management which had brought the huge moral and material harm to the new power, was one of them. The practical significance of this article is in the exposure of the national myth about M.H.- G. Tungachin's activity and the introduction of the term "tungachinshchina" – a synonym of the establishing of the revolutionary power by Bolsheviks in the suburbs of the country by the representatives from among small ethnic groups

Keywords: Kyrgyz-kaysaks, Bukeevsky horde, Khan’s Headquarters, Bolsheviks, Kyrgyz intellectuals, Alash, Oh Zhuz, Tungachin.

References:

1. State Archive of Modern Documentation of the Astrakhan Region (SAMDAR). F. 1. Op. 1. D. 25.
2. Irmuratov, H.D. (1967). October in the aul. Volgograd: Nizhny Volga publishing house.
3. Decrees of the Soviet power (1971). T.V. On April 1 – on July 31, 1919 Moscow: Politizdat.
4. Program documents of national political parties and organizations of Russia (end of XIX – 1917): collection of documents (1996). Release 2. Originator: V. M. Fomin. V. S. Konovalov, V. V. Krivenky, A.A. Tverdokhleby, V. M. Shevyrin (Edition). Moscow: Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences.
5. Sushko A.V. (2008). Intergenerational fight of the Kazakh (Kyrgyz) intellectuals during the years of revolution and civil war in Russia.
6. Bulletin of the Tambov university. No. 11 (67), p. 329-337.

ИНСТИТУТЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЫ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ

Черник М.В.

Черник Мария Владимировна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: chernik-max@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей организации и функционирования институтов судебной власти Внутренней киргизской орды после ее вхождения в состав Российской империи.

Система судоустройства и судопроизводства киргизов (казахов) после вхождения Орды в состав российского государства стала частью общеимперской судебной системы, сохранив при этом ряд национальных особенностей. В ходе постепенного усиления контроля государства, статус данной территории в судебном отношении менялся: от автономии до полного контроля над судоустройством и судопроизводством со стороны российского правительства. Главная функция судебной власти – осуществление правосудия постепенно сосредотачивается в руках чиновников Министерства внутренних дел и Министерства юстиции.

Соседство оседлого и кочевого населения создавала достаточно подвижную зону сближения, в том числе, и с точки зрения правовой культуры. Под влиянием как внешних, так и внутренних факторов нормы обычного права перестают использоваться в киргизском (казахском) обществе для решения отдельных категорий судебных дел.

Ханский суд, как институт судебной власти в киргизском (казахском) обществе перестает существовать в 1845 г. После смерти хана Джангира российское правительство упразднило ханскую власть, а все дела подсудные ханскому суду переходят в юрисдикцию Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой. Другой национальный судебный институт – «народный суд» со временем утрачивает свое право, и престаает использоваться населением. Киргизы (казахи) на рубеже XIX-XX вв. все реже используют нормы обычного права в решении споров и тяжб, предпочитая обращаться к гражданским и уголовным законам Российской империи.

Ключевые слова: фронтир, Астраханская губерния, нижневолжский фронтир, Внутренняя киргизская орда, народные суд, судебная реформа.

Великие реформы 1860-70-х гг. заложили основы и создали условия для проведения сложного реформаторского процесса, затронувшего политическую, экономическую и культурную жизнь России. Одной из сторон этого процесса являлся курс на постепенную унификацию системы управления страной и создания единой бессословной судебной системы на всем ее пространстве. В состав Российской империи на рубеже веков входили разнородные области и регионы, и проведение крупных реформ,

особенно на окраинах страны требовало поиска наиболее приемлемых форм адаптации, выявления специфики социальных отношений и культуры местных обществ.

Российская судебная система во второй половине XIX в. включала в себя системы нерусских областей и регионов, которые имели свои особенности и отличия от общеимперской системы (История судебных учреждений, 2004, стр. 126). Одной из таких территорий являлась Астраханская губерния.

Исторически сложилось так, что Астраханская губерния была местом, где проживали и соприкасались разные этнические группы, народы и культуры встречались и оказывали влияние друг на друга. В англоязычной литературе такие локальные точки, имеющие большую временную протяженность, называются термином «фронтир». Отечественные ученые С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова в своих исследованиях доказывают, что Нижнее Поволжье являлось «типичной фронтальной территорией», частью которой являлась и Астраханская губерния (Якушенков, Якушенкова, 2010, стр.113).

В середине XIX в. в состав губернии входили пять уездов, населенные в основном русским населением, обширные степные пространства Калмыцкой степи заселенные калмыками, а так же земли Внутренней киргизской орды, на которых кочевали киргизы (казахи).

Окраинное положение в пространстве империи, сложность этнического, конфессионально и социального состава губернии, а так же стратегическое положение Астраханской губернии, являвшейся южным форпостом государства, накладывало определенный отпечаток на способы и формы реализации общеимперских реформ в данном регионе. Соседство кочевых народов и оседлого населения играло в этом процессе достаточно важную роль. Следует отметить, что, несмотря на территориальную принадлежность Внутренней киргизской орды к губернии, эта административная единица обладала особым статусом и имела собственный порядок управления, включая и правовую составляющую. После вхождения Орды в состав Российской империи в 1801 г. в киргизском (казахском) обществе активно использовались нормы обычного права, а общеимперские законы, применялись лишь при решении определенных категорий дел, затрагивающих, как привило, государственные интересы. Правительство не спешило кардинально изменять сложившиеся веками устои и порядки, но понимало необходимость включения киргизского (казахского) населения и в экономическую, и правовую жизнь страны.

Соседство оседлого и кочевого населения создавала достаточно подвижную зону сближения, в том числе и с точки зрения правовой

культуры, населения Внутренней киргизской орды с гражданским (жители пяти уездов) и военным (казаки) населением губернии.

Вовлечение этой крупной и внутренне противоречивой административной единицы Астраханской губернии в единое правовое пространство страны и создание здесь бессловесной унифицированной системы правосудия стало одной из главных задач государства во второй половине XIX в.

Система судоустройства и судопроизводства киргизов (казахов) после вхождения Орды в состав российского государства стала частью общеимперской судебной системы, сохранив при этом ряд национальных особенностей.

Дела киргизов (казахов) Внутренней киргизской орды, за исключением уголовных дел, рассматривались ханским судом (Харузин, 1889, стр.131). Разбирательству хана подлежали все маловажные дела, включая и кражи на сумму до 30 рублей менее трех раз. Суд над киргизами (казахами) хан производил всегда сам по коренному народному обычаю путем словесного разбирательства в присутствии мулл, султанов и биев. По делам об измене, неповиновении власти, возмущении, побеге за границу, участии в злодеянии, смертоубийстве, делании монеты, похищении казенного и общественного имущества, поджигательстве, насилии, грабеже, баранте и воровстве более тридцати серебряных рублей ордынцы подвергались суду по общим уголовным законам Российской империи (ПСЗ РИ, Т. 14, № 12811, стр. 794). Оренбургский военный губернатор имел право окончательно утверждать приговоры по делам о разбое, убийствах, похищении и продаже людей в рабство (ПСЗ РИ, Т. 12, № 10384, стр. 590).

Присутственные места Астраханской губернии имели право требовать к себе для допросов только тех киргизов (казахов), причастных к уголовным делам, присутствие которых было необходимым. В остальных случаях для сбора показаний ордынцев астраханские чиновники обращались к хану, который имел право «суда и расправы в орде» (ПСЗ РИ, Т. 12, № 9867, стр. 45-46). Это было связано с тем, что вызов ордынцев в присутственные места Астраханской губернии для сбора показаний по частным искам был неудобен ни для киргизов (казахов), ни для самих присутственных мест из-за недостатка переводчиков. В случае если хан не удовлетворял требования по иску, то имеющий претензии мог обратиться в соответствующее присутственное место.

После смерти хана Джангира в 1845 г. ханская власть была упразднена, а Орда была оставлена в подчинении Оренбургского военного губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Для управления киргизами был создан Временный совет, в состав которого вошел на

правах председателя брат покойного хана султан Адиль и три члена совета: два султана и чиновник Министерства государственных имуществ (ПСЗ РИ, Т. 36, № 20885, стр. 20). Временный Совет был наделен судебными функциями, а также являлся административно-полицейским органом. Он имел право решать все дела, которые ранее рассматривал и разрешал хан. В случае если большинство членов Совета не соглашались с мнением председателя, то дела представлялись в Оренбургскую пограничную комиссию.

При разборе судебных дел Совет должен был выносить решения, руководствуясь народным обычаем и традициями киргизского народа. В случае совершения преступления, истец сообщал о данном факте старшину, который мог, если дело незначительное, разобрать его сам, если же преступление было серьезным, то он обязан был донести правителю своей части. Правитель проводил дознание и доносил о нем Совету. Совет передавал дело народному суду. Правитель мог и сам передать дело народному суду и рапортовать об этом Совету, прилагая, как правило, свое мнение о деле. В качестве народных судей выбирались уважаемые пожилые киргизы (казахи) или «почетные старики». Старика в киргизском обществе называли «карт», поэтому нередко упоминание народного суда под именем «суда картов» (Харузин, 1889, стр.130). Число «картов» всегда было нечетным: 3,5,7 и т.д. Каждая сторона выбирала себе «карта», а в случае несогласия их между собой, они выбирали третьего, который должен был решить спор. Н.А. Харузин, отмечал, что, несмотря на то, что телесные наказания были отменены российским судопроизводством по итогам судебной реформы 1864 г., «суд картов» мог приговорить виновного к ударам плетью.

Киргизы так же могли дать официальный ход делу и решать его через Совет по управлению Внутренней киргизской ордой. После передачи заведывания Внутренней киргизской ордой в 1862 г. из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство внутренних дел, состав Совета был изменен. Он состоял из председателя, советника из русских чиновников и советников из ордынцев. Председатель назначался как из гражданских, так и из военных чинов министром внутренних дел по представлению астраханского губернатора. Таким же порядком назначался и советник из русских чиновников, а члены Совета из ордынцев назначались астраханским губернатором преимущественно из киргизов (казахов), окончивших курс в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, по представлению председателя.

В 1876 г. Внутренняя киргизская орда была изъята из ведомства Оренбургского генерал-губернатора и подчинена ведению начальника Астраханской губернии. Судебную часть решено было оставить в ведении

Тургайского областного правления и управляющего ордой Временного совета до проведения судебной реформы 1864 г. на территории Внутренней орды (ПСЗ РИ, Т. 51, № 56220, стр. 73).

7 апреля 1879 г. Внутренняя киргизская орда была изъята в судебном отношении из ведения Тургайского областного правления и передана в ведомство Астраханской палаты уголовного и гражданского суда (ПСЗ РИ, Т. 54, № 53490, стр.303).

В 1878 г. на территории Астраханской губернии были начаты мероприятия по введению мировых судов, что стало первым этапом реализации судебной реформы 1864 г. Перед правительством возникла серьезная проблема, как осуществить безболезненно унификацию органов судебной власти одновременно на всей территории губернии. В результате реализацию судебной реформы 1864 г. во Внутренней киргизской орде решено было отложить и осуществить отдельно, для чего требовалось разработать специальный проект, учитывающий особенности социальных отношений киргизов (казахов), администрация должна была принимать во внимание их специфику, учесть конфессиональную принадлежность населения при организации судопроизводства. Активно начал обсуждаться вопрос о сохранении народных судов и наделение их функциями мировой юстиции

Однако многочисленные экспедиции министерских и губернских чиновников в Орду показали, что к этому времени (конец XIX в.) народные суды в киргизском (казахском) обществе перестают выполнять свои функции института судебной власти и теряют свое значение. Киргизы (казахи) перестают обращаться к «суду картов» для решения своих споров и тяжб, все чаще придавая делу официальный ход, посредством решения его в Совете по управлению Внутренней киргизской ордой или губернских судебных учреждениях.

Состав Временного совета после передачи Орды в судебном отношении в ведение астраханского начальства остался прежним, но в случае несогласия большинства членов Совета с председателем, судебные дела представлялись в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда, а в последствие в Астраханский окружной суд, а административные – астраханскому губернатору (ГААО, Ф. 204, Оп. 1, Д. 3014, Л. 24 об - 25).

Следствие велось разными должностными лицами (управляющими разными частями орды, полицмейстером ханской ставки, советниками Временного совета и т.д.) без соблюдения форм судопроизводства (РГИА, Ф. 1405, Оп. 93, Д. 10951, Л. 106.).

Рассмотрение дела в Совете происходило в присутствии истца, ответчика и их свидетелей. В связи с тем, что ордынцы в основной своей массе не знали русского языка, а чиновники, назначаемые правительством,

не знали киргизского языка, на заседаниях Совета должен был присутствовать переводчик. Ордынцев, хорошо знавший русский язык, практически не было, поэтому часто переводчики-киргизы заменялись русскими казаками, которые подолгу службы, хоть и не владели киргизским (казахским) языком, но могли на бытовом уровне изъясняться с ордынцами. В большинстве случаев Совет выносил необъективные решения только потому, что переводчики или подкупались, или просто неверно переводили. Чиновники Министерства Внутренних дел предпочитали решать дела, опираясь на общие уголовные и гражданские законы Российской империи, в соответствии с общеимперским законодательством решались дела и в губернских судебных органах.

Несмотря на это, киргизы в конце XIX века все чаще предпочитали решать все свои дела, именно через Совет. Эта странная ситуация, объяснялась тем, что в силу обремененности Совета многочисленными функциями, а так же незнание русскими чиновниками киргизского языка и норм обычного права приводили к тому, что официальный ход дела создавал возможность различных кляуз, обманов, фальшивых прошений и т.д. Так, например, киргиз (казак), мог отдать за сходную цену свою жену соседу, а затем через несколько лет официально требовал развода, и разводную плату с любовника жены. В случае обращения к народному суду обман сразу же открывался, а при разбирательстве дела в Совете он мог выиграть дело. Кляузы и доносы писались сотнями и касались, как правило, развода, угона скота и земельных споров.

Другой причиной, упадка народных судов было то, что из-за родовой вражды они утратили свое право. В результате, все чаще киргизы обращались к мусульманскому праву (шариату). Данное обстоятельство вызывало беспокойство у Министерства юстиции, так как сосредоточение судебной власти в руках лиц духовных, было неприемлемо для пореформенной судебной системы Российской империи подрывало авторитет государства, выступавшего в лице должностных лиц Совета.

Разработка и согласование многочисленных проектов по введению судебной реформы 1864 г. для киргизского (казахского) населения заняла десятилетия, а в итоге судебные преобразования не коснулись Внутренней киргизской орды и порядок решения судебных дел, утвержденный в 1845 г. просуществовал до 1917 г.

Таким образом, на рубеже XIX –XX вв. нормы обычного права перестают использоваться киргизами (казахами) в решении судебных дел. Применение общеимперских уголовных и гражданских законов уже не ограничивалось только узким перечнем дел и все шире использовалось в киргизском (казахском) обществе, что было обусловлено рядом причин как внутреннего, так и внешнего характера. Народный суд утрачивает свое

право, а главная функция судебной власти – осуществление правосудия постепенно сосредотачивается в руках Совета по управлению Внутренней киргизской ордой и губернских судебных органов.

Библиографический список:

1. ГААО (*Государственный архив Астраханской области*). Ф. 204. Оп. 1. Д. 3014.
2. *История судебных учреждений (2004). Сборник обзоров и рефератов.* М.: ИНИОН РАН.
3. *ПСЗ РИ. (полное собрание законов Российской империи) (1838)* Собрание 2-е. Т. 12. № 9867. СПб.:
4. *ПСЗ РИ. (1838)* Собрание 2-е. Т. 12. №. 10384. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
5. *ПСЗ РИ. (1840)* Собрание 2-е. Т. 14. № 12811. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
6. *ПСЗ РИ. (1863)* Собрание 2-е. Т. 36. № 20885. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
7. *ПСЗ РИ. (1878)* Собрание 2-е. Т. 51. № 56220. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
8. *ПСЗ РИ. (1880)* Собрание 2-е. Т. 54. № 53490. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии
9. РГИА (*Российский государственный исторический архив*). Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10951.
10. Харузин, А.Н., (1889) *Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнографический очерк). Выпуск второй.* М.: Типография А.А. Левенсон и Со.
11. Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О.С. (2010) Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. Каспийский регион: политика, экономика культура №1 (22), стр. 109-114.

JUDICIAL INSTITUTIONS OF THE INNER KYRGYZ HORDE OF THE LOWER VOLGA FRONTIER

Chernik M. V.

Chernik Maria Vladimirovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E – mail: chernik-max@mail.ru

This article analyzes organization and functioning of institutes of judicial authority in Inner Kyrgyz horde after its entry into the Russian Empire.

The judicial system and legal proceedings of Kyrgyz (Kazakhs) after entry of the Horde into the Russian state became part of the all-imperial judicial system, having kept at the same time a number of national peculiarities. During gradual strengthening of the state control, the judicial status of this territory changed: from a relative autonomy of local judicial bodies to complete control over judicial system and legal proceedings exercised by the central imperial government. The main function of the judiciary - the administration of justice gradually concentrated in the hands of the officials of the Russian Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Justice.

The fact that the settled and nomadic population of the Empire lived in close proximity created a mobile zone of rapprochement, including the legal cultural traditions. Under the influence of both external and internal factors the traditional Kazakh regulations of the common right were no more used in the Kyrgyz (Kazakh) society to solve certain types of legal cases.

The Khan's High Court, as an institution of the judicial power in the Kyrgyz (Kazakh) society ceases to exist in 1845. After the death of Khan Jahangir Russian government abolished the Khan's power and jurisdiction of all cases; the Khan's court passed its jurisdiction to the Provisional Council of the Office of Internal Kirghiz horde. Another National Judicial Institute - "People's Court" eventually lost its rights, and people stopped applying to it. At the turn of XIX-XX centuries Kirghiz (Kazakhs) seldom used customary law in resolving disputes and litigation, preferring to refer to the civil and criminal laws of the Russian Empire.

Keywords: frontier, Astrakhan Province, Lower Volga frontier, Inner Kyrgyz horde People's Court, the judicial reform.

References:

1. GAAO (State Archives of the Astrakhan region). F. 204. Op. 1. D. 3014.
2. The history of judicial institutions (2004). Collection of reviews and abstracts. M.: INION.
3. The COR RI. (Complete Collection of Laws of the Russian Empire) (1838) The meeting of the 2nd. T. 12. № 9867. SPb.:
4. COR RI. (1838) 2nd Meeting. 12. T.12 №. 10384. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
5. The COR RI. (1840) 2nd Meeting. T. 14. № 12811. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
6. The COR RI. (1863) 2nd Meeting. T. 36. № 20885. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
7. The COR RI. (1878) Collection 2-ET. 51. № 56220. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
8. The COR RI. (1880) 2nd Meeting. T. 54. № 53490. SPb.: Printing Division II Own HIH the Office
9. RSHA (Russian State Historical Archives). F. 1405. Op. 93. D. 10951.

10. Kharuzin, A.N (1889) Bukeyev Kirghiz hordes. (Anthropological and ethnographic sketch). Release of the second. Moscow : A. A. Levenson's Publishing House.
11. Yakushenkov, S.N & Yakushenkova, O.S (2010) The American frontier and the Russian counterparts in the Volga region and the Lower Volga. The Caspian region: politics, economy culture No. 1 (22), pp. 109-114.

**«ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО НА ВОЛГЕ» Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА: ОПЫТ
АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФРОНТИРНОЙ ПАРАДИГМЫ**

Завьялова Е.Е.

Завьялова Елена Евгеньевна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта:
zavyalovaelena@mail.ru

Материалом для исследования послужила повесть известного российского прозаика Фридриха Наумовича Горенштейна (1932–2002). Главный герой «Последнего лета на Волге» (1988) – столичный житель, интеллигент; он собирается навсегда уехать из своей страны и совершает прощальное путешествие по реке. Описывается его пребывание в одном из российских городков; действие занимает не более полсуток. События произведения не связаны с фронтирными трансгрессивными процессами, в тексте нечасто затрагиваются темы колонизации и межкультурного диалога. При всём при том автор статьи выявляет большое количество составляющих, характерных для литературы, повествующей о столкновении с инородцами. Среди них дихотомия «дикого» и «цивилизованного» пространства, враждебная по отношению к гостю среда, примитивизм (а порой и зооморфизм) в портретах «аборигенов», причудливость алиментарных пристрастий чужаков, их сексуальная перверсия, элементы трансгрессивного поведения и проч. Особое внимание в статье уделяется актуальной для эмигрировавшего писателя проблеме «себя-Чужого», идее «профессиональных» россиян, теории существования «корневых» и «бескорневых» жителей, а также связанной с указанными аспектами символикой. Непривычный, но, как показывают результаты, вполне перспективный ракурс предпринятого исследования обуславливает его научную актуальность.

Ключевые слова: Ф.Н. Горенштейн, фронтир, идентичность, Чужой, другой, алиментарные мотивы, перверсия, трансгрессия, символ.

Специфика любого вида искусства предполагает оригинальный подход к вечным темам. В литературе этот подход часто связан с приёмом остранения, заключающимся в описании привычных объектов как впервые увиденных. «Целью образности, – пишет В.Б. Шкловский – является перенесение предмета из его обычного восприятия в сферу нового восприятия, то есть своеобразное семантическое изменение» (Шкловский, 1992, стр. 38). Новизна видения часто обеспечивается особым статусом повествователя – существа (инородца, пришельца, ребёнка, животного), взирающего на незнакомый ему мир «со стороны». Соответственно, фронтирный дискурс является для литературного произведения **одним из самых органичных** – в силу законов эстетики.

В данной статье мы хотели бы остановиться на повести автора, биография которого уже сама по себе предполагает фронтирный контекст. Фридрих Наумович Горенштейн (1932–2002), еврей по национальности, родился в Киеве, детство провёл в Бердичеве, получил образование в Днепропетровске, три года проработал на шахте в Кривом Роге, в 1960-е переселился в Москву. В 1980 г. Ф.Н. Горенштейн, известный на тот момент прозаик, драматург, сценарист, был вынужден уехать в эмиграцию. Какое-то время он жил в Вене, а затем – в Западном Берлине. Похоронен в Вайсензее, на старейшем еврейском кладбище.

По мнению Ж. Хетени, в биографии этого писателя «целый ряд событий и обстоятельств детерминирует его маргинальность» (Hetenyi, 2004, pp. 141). Сам Ф.Н. Горенштейн признавался, что понимает себя как творца и мыслителя в «треугольнике – Россия, Германия, еврейство» (Кондаков, 2000, стр. 201). И.В. Кондаков указывает на особую «тонкость сочетания русской и еврейской ментальности» в его наследии, которую придаёт «искусное сопряжение ветхозаветно-иудейского и христианского дискурсов, создающих постоянное напряжение связанных и разделённых смыслов» (стр. 200). Очевидно, что «энергия пограничья» (Дж. Тёрнер) оказала решающее воздействие на личность Ф.Н. Горенштейна, а его произведения предоставляют богатый материал для анализа в контексте фронтирной парадигмы.

Мы остановимся на повести, героем которой является столичный житель, интеллигент. Он навсегда уезжает из своей страны и «перед переменной жизни» (Горенштейн, 1989, стр. 6)¹ совершает последнее – прощальное – путешествие вниз по реке до Астрахани. Ностальгические настроения повествователя сменяются горькими рассуждениями о судьбе государства, попытками постичь тайну этнических констант народа.

Ф.Н. Горенштейн не употребляет слова «фронтир», но обращается к рассуждениям о «более чем четырёхсотлетней имперской одиссее» [19] России и о том, как изменилось государство вследствие ассимиляции. В «Последнем лете на Волге» писатель последовательно проводит различия между нынешним «национальным» и былым «племенным», утверждает, что «счастливая идея» напрямую связана с «доимперской Русью» [7], давними временами, «когда смеялись легко, разумным смехом, высмеивая самих себя более, чем иных» [8–9]. Любопытно, что далее «коренные москвиты» сопоставляются с американскими индейцами, поскольку и те и другие, по мнению повествователя, становятся «чужаками на собственной земле» [36] – в США и «в чужой, монголо-татарской России» [36].

¹ Далее повесть Ф.Н. Горенштейна будет цитироваться с указанием номера страницы в квадратных скобках.

Многие авторы рассматривают Россию «как “Великий Фронтир” между Европой и Азией» (Якушенков, Романова, Баева, Хлыщёва, Морозова, Якушенкова, 2014, стр. 310). Ф.Н. Горенштейн, вероятно, придерживается сходных суждений, что проявляется в сравнении верховий Волги с низовьями. «Я люблю верхнюю, болотисто-лесистую, сырую, озёрную, русскую Волгу больше низовой, азиатской, с песчано-глинистой степью по берегам и с пряным запахом близкой пустыни. Да и сама-то Волга в верховьях имеет вид длинного, мелкого, извилистого озера, затопляющего во время половодья леса и луга. На низовой Волге, где река по-морскому широка, а берега низки, разливы редки. Конечно, истинная Волга – низовая, та “широкая да раздольная”, та “Волга-матушка”. Колонизированное азиатское низовье, которое стало хребтом империи, которое принесло богатство и славу государству и великие тягости народу. Доимперская Русь кое-где ещё теснится в верховьях среди болотцев со своими худыми костлявыми отечественными щуками, окунями, ёршиками. А белуга, осётр, стерлядь – это уже имперский товар, колониальный, ныне главным образом валютный. Единое богатство, которым издавна одаривает всякого человека Волга, – это богатство созерцания её» [7]. Отрывок целиком построен на противопоставлении характеристик: Волга русская – азиатская, люблю больше – меньше, болотисто-лесистая – песчано-глинистая, сырая – пряная, озёрная – морская. Даже рыба разделяется повествователем по «национальному» признаку: отечественные (худые и костлявые) щуки, окуня, ёршики – колониальные (валютные) белуги, осетры, стерляди. В последнем предложении приведённой цитаты бинарность изображения снимается, вводится идея объединения, чрезвычайно важная во фронтирном контексте (тезис – антитезис – синтез).

Тема эмиграции актуальна как для собирающегося в дальний путь рассказчика, так и для самого автора (в произведении явно прослеживается автобиографический подтекст). Не случайно в повести постоянно поднимается **проблема «себя-Чужого»**: человека, ощущающего себя чужеплеменником. В частности, путешественник рассказывает про своего друга, который умел «жить в России профессионально» [12], но навсегда покинул её. «Мать моего друга Матрёна Васильевна, – вспоминает повествователь, – кстати коренная волжанка из волжских верховьев, где в деревне Изведово у неё был дом, ранее редко покидала свою деревню и то не далее Рыбинска. Ныне же она отлично прижилась в чужих краях и писала оттуда по-детски радостные письма. “На другом берегу Женевского озера стоит Лозань. Мы поехали на пароходике. Было очень красиво. Вокруг огни. Крестьяне здесь богатые, но добрые”» [12–13].

Далее развёртывается оригинальная теория о существовании особой категории людей, одинаково хорошо приживающихся как на своей, так и на чужой территории: «Вообще, понятие “коренной житель” состоит не столько в том, что человек издавна живёт в здешних местах, а в том, что у него есть корень, выращенный в результате этой своей жизни и, если корень прочный, неповреждённый, то такой человек легче приживается в чужой земле и даже ещё лучше расцветает, если эта земля богата соками» [13]. Рассказчик противопоставляет себя (и многих других) этой категории: «Мы, по крайней мере такие “мы”, как я, тоже живём здесь веками. Но обстоятельства и условия, созданные нам, были таковы, что мы остались бескорневыми. Вот от чего, как я слышал, многие так трудно приживаются на новой земле. Нечем ухватиться, корня нет. Впрочем, иные расцвели там искусственным оранжерейным цветом, как и мы, случается, цветём здесь, цветём даже пышно на злобу и зависть непородистым коренным. Но малейший заморозок, малейший холодный ветер, и нас, вместе с нашим цветом, как будто и не было. Поэтому главная задача нас, бескорневых, на новой земле, как мне думается, не расцвести торопливо лихорадочно, а обрести корень неброским, кропотливым трудом» [13].

Горенштейновская теория существования «корневых» и «бескорневых» позволяет внести некоторые коррективы в популярную ныне концепцию «фронтирного» типа личности (Романова, Ермуханова, 2015, стр. 172). Креативность, ментальная свобода, либерализм, нетерпимость к ограничениям, жестокой регламентации и организации жизни далеко не всегда помогают успешному существованию рядом с «чужими». По Д.С. Лихачёву, одним из определяющих признаков интеллигента является «интеллектуальная независимость» (Лихачёв, 1997, стр. 77), индивидуализм; чуткая восприимчивость у подобных людей сочетается с высокой требовательностью, открытость для решений – с критицизмом. Уместно будет вспомнить знаменитую идею А.Н. Веселовского, согласно которой «заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а **встречные течения** [жирный шрифт наш – Е.З.], сходное направление мышления, аналогические образы фантазии. Теория “заимствования” вызывает, таким образом, теорию “основ”, и обратно...» (Веселовский, 1889, стр. 119). Остранённый характер описания в «Последнем лете на Волге» – следствие критического отношения к действительности, нежелания главного героя уподобляться другим.

В контексте фронтирной проблематики особую значимость приобретают пейзажи провинциального городка, в котором остановился рассказчик. Природа неприветливо встречает путешественника: «Пароход медленно, неуверенно приближался к пристани, как мне объяснили,

оттого, что здесь на дне Волги много каменных гряд и гранитных валунов. Прошла уж целая вечность, а он всё поворачивался, поворачивался, не приставал и временами даже, казалось, удалялся от берега» [9]. Наконец главный герой пересекает дебаркадер «под холодным дождём, шлёпая по скользким лужам» [9] (обратим внимание на лексемы «холодный» и «скользкие»), и начинает преодолевать очередную преграду – проложенную вдоль гранитного обрывистого берега крутую деревянную лестницу с шаткими перилами, названную чуть ниже «устремлённой в небо мучительницей-лестницей» [10–11]¹.

Несмотря на то, что в основе топоса повести содержится урбанистический локус, в изображениях городка повторяются характеристики, связанные с мотивами **заброшенности, одичалости**; образы пространства неоднократно противодействуют рассказчику. Берёзовый парк на «высоком крутом² берегу» [12] – первое, что он видит, выходя из вокзала. «Крайне запущенный, беспризорный, густо поросший кустами коротышника, ветвистого кустарника с длинными прутьевидными ветвями, усыпанными колючками». Важная подробность: этот кустарник встречается не только в парке, он растёт и на бульваре, и возле домиков «по сторонам улицы» [12]. Повествователь делает небольшой ботанический экскурс, поясняя, что «в обиходе кустарник этот именуется также держи-дерево» и что это живая изгородь достигает трёх метров в высоту, «особенно в Крыму и на Кавказе, где его именуют по-татарски кара-текен» [12]. Колючие ветви несколько раз хватают столичного гостя за плащ; пытаясь освободиться, рассказчик царапает руку.

Ещё одна любопытная деталь. Путешественник долго, яростно штурмует закусочную: он видит через стекло сидящих там людей, но не может попасть вовнутрь. «Шутят что ли надо мной, специально дверь подпёрли?» [19], – возмущается повествователь. Проблема решается просто: вход в питейное заведение оказывается рядом, за углом, о чём «залётный» [19] посетитель, понятно, не знает. В этом эпизоде продолжает развиваться тема **«сопротивления среды»**, актуальная для фронтирной традиции.

Жители городка показываются странными, непривлекательными, физически выносливыми существами со слабо развитым интеллектом. Знаменательно уже первое наблюдение героя: «Впереди меня свободным широким шагом шла, поднималась какая-то колхозница в кирзовых сапогах и мужской куртке, державшая большими красными руками на

¹ Вновь штурмовать обрыв «взмокшему от крутого подъёма» [48] рассказчику придётся в последней части повести, чтобы вернуться на пристань.

² Лексема «крутой» в значении «высоко поднимающийся, труднодоступный» встречается в тексте трижды [9, 12, 48].

плече плетённую из веревочных нитей мешок-авоську, похоже, сделанную из обрывка рыболовецких сетей» [9]. «Несмотря на такую тяжесть, колхозница, точно двужилъная, бодро, привычно поднималась по лестнице, а я всё более от неё отставал, хоть имел в руках лишь лёгкий дорожный саквояж. Это, как казалось мне, унижало моё мужское достоинство, я усилил темп, стараясь её догнать или обогнать, но тщетно. Она, даже не замечая моих усилий, даже не замечая меня, легко выигрывала это наше соревнование» [10]. По существу, главный герой старается одержать победу над представительницей мира *чужих*, женщиной в мужском облики. И его поражение в данной ситуации заслуживает внимания.

В конечном итоге на крутой лестнице путешественнику приходится пропустить всех приехавших вместе с ним пассажиров, «даже сгорбленного древнего старичка с кошёлкой и клюкой» [10]. Вывод протагониста неутешителен: «Нет, не годен я для жизни в этой стране, <...> все эти обогнавшие меня – профессиональные жители России. Ведь жить в современной России – это профессия. Я же всегда жил в этой стране непрофессионально, и потому быстрее бы уехать» [10]. Так впервые, пока неявно, проявляется **конфликт с «профессиональными аборигенами»** эпохи 1980-х.

Портреты встреченных в городке людей гротескны. В зале ожидания артиллерист борется со своей собственной головой: «Голова его медленно, тяжело опускалась – вот-вот упадёт с неё папаха, а то и сам полковник ткнётся головой об пол. Но в последний момент усилием воли полковник преодолевал стремление своей головы и с явным напряжением тянул её назад, поднимал по дуге. Так маятником, вверх – вниз, вверх – вниз...» [11]. На улице возле магазина стоят похожие друг на друга мужчина и женщина (вновь, как и в описании колхозницы на пристани, очевидно смещение гендерной идентичности): «Оба с испитыми, жёлтыми, измученными лицами, ужасно худы, дурно, неряшливо одеты, даже с учётом здешней, нестоличной моды. У женщины худые, высохшие ноги, по которым хлопают широкие голенища старых сапог на стоптанном высоком каблуке» [14]. В кабаке москвич сталкивается с женщиной, у которого «маленькое лицо и огромные руки, не просто большие, а огромные, богатырские, как у Ильи Муромца» [21] (позднее великан засыпает на газоне, начиная храпеть «по-медвежьи» [26]). Столь же **отталкивающи** афористичные портреты пассажиров автобуса: «редкозубый, седой, <...> лицо злое» [26], «грубое простонародное городское лицо» [26], «парень худой, долговязый» [26] и т.п. Наблюдения позволяют путешественнику сделать «этнографическое» заключение: «открытые части тела здесь у многих красные – руки, лица, затылки. Это

от ветра и водки. Красные тела – признак здоровья, ещё не растраченного...» [14]. Привлекательна лишь внешность встреченных в парке детей («смешные глупые деточки» [31]) и нищенки Любы (о ней – далее).

«Аборигенам» свойственна агрессивность. На каждом шагу рассказчик сталкивается с проявлениями бессмысленной жестокости: пассажиры переругиваются в автобусе; футболисты-любители сопровождают игру отборной матерщиной; завсегдатаи блинной устраивают потасовку¹; заботливый «богатырь» на улице внезапно начинает «ближний бой» [25] с первым встречным; вооружённым ножом подросток Серёжа собирается наброситься на «Гада Моисеевича» [37], а те самые милые «деточки» развлекаются, обстреливая камнями «сумасшедшую».

Герой пытается вернуться и вокзалу и хочет узнать дорогу. Но первые попытки задать вопрос кому-нибудь из местных жителей ни к чему не приводят. Старушка спешно удаляется: «Не успел рта раскрыть, как она глянула на меня испуганно-враждебно, так глядят на чужака, и засеменила прочь» [13]. Пьяный мужчина не слышит путешественника. Трое собутыльников у вино-водочного магазина тоже не откликаются. «Вступать с такими людьми в контакт – всё равно что гладить незнакомую собаку – может лизнуть, а может и укусить» [14], – констатирует рассказчик (отметим очередное зоологическое сравнение).

Символической представляется сцена у «Блинной», своеобразная ситуация «**на пограничье**». Повествователь сквозь стекло закуской созерцает «лица простых русских пьяных людей» [19]. Надолго задержавшись у витрины, он обращает на себя внимание и понимает, что необходимо совершить выбор: «либо уйти, либо войти» [19]. Путешественник присоединяется к коллективу весьма традиционным способом: «...Пока я был трезв, то чувствовал себя совсем уж чужим, выпив же, как бы приобщился к обществу и даже более того – к Родине. Может быть, это для пасынка единственный способ хоть ненадолго обрести Родину – выпить в незнакомом простонародном обществе?» [22]. При этом герой сознаёт, что остаётся для своих собутыльников «необычным, непривычным чужаком» [25].

По словам Ю.В. Бельской, «образы еды, гастрономические акты, подробное описание процесса приготовления пищи занимают заметное место в произведениях писателя» (Бельская, 2011, стр. 253). В «Последнем лете на Волге» **пищевой код**, в полном соответствии с фронтирной

¹ Текущая из разбитого носа в стакан с водкой кровь представляется путешественнику страшным символом.

парадигмой, свидетельствует «о странном алиментарном поведении Чужих» (Якушенкова, 2014, стр. 127).

Так, колхозница, встреченная повествователем на причале, несёт в своей авоське причудливый набор продуктов (впрочем, вполне понятный тем, кто знаком с эпохой 80-х): «...Четыре бутылки шампанского, три отдающих в синеву булыжника мороженных куриц, два батона варёно-копчёной колбасы, килограммов пять апельсин» [10]. Женщины бредут откуда-то с осетровыми головами (причудливая картина): «Вот показалась старушка, несущая в авоське мороженую голову осетра. <...> Затем из-за того же дома, откуда показалась первая старушка, вышла вторая, тоже с осетровой головой в авоське, потом пожилая женщина с осетровой головой, завёрнутой в газету» [13]. Повествователь разъясняет: в ситуации тотального дефицита в Советском государстве подобные «мистические» совпадения никого не могли смутить. Однако описываются именно рыбы головы, а, например, не «зелёные чайники», упомянутые ниже, – факт знаменательный.

Путешественник с подлинным удивлением открывает, что «в грязном кабаке, именуемом “Блинная”» [20], «на заплёванные столы или на смрадные вонючие скатёрки» [20] подают превосходное блюдо. «В лучших ресторанах не ел я таких блинчиков, обжариваемых до румяной корочки, с тающим во рту фаршем из рубленых варёных яиц, риса и мяса. Зачем жарили здесь эти блинчики?» [20]. От Чужих повествователь ожидает «странного алиментарного поведения» (Якушенкова, стр. 127), а потому вкусно приготовленная еда представляется ему немыслимым феноменом: «В этих чудесных блинчиках на грязных скатертях была какая-то достоевщина, какой-то гоголевский шарж, какая-то тютчевская невозможность понять Россию умом» [20]. Но чудесные блинчики в кабаке сменяют «отвратительная кислая хлебная котлета» [23], «макароны да подливка поносная» [24], – и всё становится на свои места.

Два последних и, как представляется, **самых важных символа** в повести тоже содержат алиментарные подробности. Первый из них связан с Любой. Нищенка, как и рассказчик, сильно отличается от окружающих. «Была она какая-то действительно светлая, ясная, и глаза, и волосы, и кожа, всё почти одного цвета» [38]. «Мне вдруг показалось, что женщина эта... с самого доимперского верховья, из коренных москвитов, которые... чужаки на собственной земле... В этом она показалась мне близка, я тоже чувствовал себя родившимся без родины и имел в Москве не дом, а жилище» [39]. «Русалка, выброшенная на берег» [45], – так называет повествователь женщину, чья судьба была варварски сломана обстоятельствами, системой. Люба случайно убила свою свекровь-злодейку, отсидела 15 лет в тюрьме, была вынуждена отказаться от мужа.

Она нашла своё женское счастье в любви к колхозному пастуху и, чтобы вернуться к нему – на *другой* берег, – должна собирать бутылки с целью накопить денег на билет.

Наблюдая за вечерней трапезой Любы (найденные в кабаках куски рваного и резаного чёрствого хлеба с «серой, мокрой солью из тряпицы» [46]), путешественник приходит к неожиданному выводу, что именно эта картина – «итоговый символ всего... виденного и прочувствованного» [46]. И что «краснощёкая стройная грудастая красавица в вышитом сарафане и кокошнике, которая на позолоченном блюде, застланном белоснежным вышитым полотенцем, подносит большой свежееиспечённый хрустящий хлебный каравай и белую чистую соль в хрустальной солонке, – бутафорская ряженая Россия» [47]. Символом же подлинным является эта самая Люба – «нищая русалка, безгрешная убийца с кротким светлым взглядом и горькой осенней душой. Дочь времени, рождённая без прав» [47].

Вторым – дихотомичным – символом представляется повествователю его попутчица с катера. Пожилая, заплывшая, безликая, прижимающая «к груди у самой своей головы, огромную свиную голову» [50–51]. Путешественник пишет: «...Я поразился схожестью не только выражения на женском лице и свином облике, но схожестью даже каких-то внешних черт. Не скажу, что лицо у женщины было злое, скорее мёртвотупое, как и у свиной головы. Неподвижное какое-то, застывшее, и мне почудилось, что голова женщины, как и свинья, запачкана замытой розовой кровью» [51]. **Зооморфные детали**, встречавшиеся и в других портретах «аборигенов», здесь достигают высшей степени выразительности. Более того, они вступают во взаимодействие с темами **каннибализма, автофагии**: «Вот она, Любина свекровь, <...> преступная жертва, которая везла на холодец, везла на съедение собственную голову» [51]. Повествователь различает две ипостаси родины: «двуглавую свиномордую Россию, пожирающую себя и других», и «волжскую русалку Любушку-Россиюшку» [58].

Последние несколько страниц повести посвящены нынешнему бытию повествователя. Берлин, спокойствие, достаток. Пейзажи идилличны, портреты окружающих благостны. «Равнодушно-вежливая толпа» [59], «избалованно-привычная публика» [59], «сытость и покой даже в ухоженных уличных деревьях» [59]. Но и здесь рассказчик чувствует себя чужим, отмечая разницу между «нами» (уже более многочисленными «нами», думается, всеми бывшими соотечественниками) и «ими» [59]. Он успокаивается, свернувши к каналу, где прогуливается «влажный, речной, совсем волжский ветер» [60].

Фронтир остаётся далеко позади, а проблема «себя-Чужого» всё ещё мучительно актуальна для рассказчика.

Подведём итоги. Творчество Ф.Н. Горенштейна в силу национальных, исторических, биографических и иных факторов сосредоточено на теме трагического противостояния человека и мира, в связи с чем на первый план в его произведениях выходит мотив Чужого. Столкновение героя с инородной реальностью зачастую происходит в условиях фронтирной ситуации. Во всяком случае, в «Последнем лете на Волге» можно найти едва ли не все её признаки, включая дихотомию «дикого» и «цивилизованного» пространства, враждебную по отношению к гостю среду, примитивизм (а порой и зооморфизм) в портретах «аборигенов», причудливые алиментарные пристрастия чужаков, их сексуальную перверсию, элементы трансгрессивного поведения и проч.

Столь непривычный, но, как показывают результаты, вполне перспективный ракурс предпринятого исследования обуславливает его научную актуальность.

Библиографический список:

1. Бельская, Ю. В. (2011) «Чувство бездны»: постреалистическая картина мира в творчестве Ф. Горенштейна. Г. Г. Исаев (Ред.) *Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей: коллективная монография* (стр. 230–262). Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет».
2. Веселовский, А. Н. (1889) Разыскания в области русского духовного стиха. XI–XVII. *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности* (Т. 46, № 6, стр. 96–144). СПб.: Типография Императорской Академии наук.
3. Горенштейн, Ф. Н. (1989) Последнее лето на Волге. *Время и мы: международный демократический журнал литературы и общественных проблем* (№ 105, стр. 5–60). Нью-Йорк – Иерусалим – Париж: Изд-во «Время и мы».
4. Кондаков, И. В. (2000) Горенштейн Ф.Н. П. А. Николаев (Ред.) *Русские писатели XX века: биографический словарь* (стр. 199–201). М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву-АМ.
5. Лихачёв, Д. С. (1997) Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества. *Об интеллигенции: сб. статей* (стр. 77–85). СПб.: Канун.
6. Романова А. П., & Ермуханова Н. А. (2015) Межкультурные коммуникации на этапе раннего фронта на Кавказе. *Исторические,*

- философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (№ 1 (51), ч. I, стр. 172–175). Тамбов: Грамота.
7. Шкловский, В. Б. (1992) Искусство как приём. Б. А. Латынин (Сост.) *Поэтика* (стр. 24–40). М.: Изд-во Российского открытого ун-та.
 8. Якушенков, С. Н., & Романова, А. П., & Баева, Л. В., & Хлыщёва, Е. В., & Морозова, Е. В., & Якушенкова, О. С. (2014) Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания: материалы круглого стола. *Каспийский регион: политика, экономика, культура* (№ 4, стр. 304–314). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».
 9. Якушенкова, О. С. (2014) *Образ чужого в гетеротопных пространствах фронтира: диссертация*. Астрахань.
 10. Hetenyi, Z. (2004) Пасынки России: мотивы маргинальности в произведениях Ф. Горенштейна. *Revue des études slaves* (Т. 75, fascicule 1, pp. 141–155). Paris.

**«LAST SUMMER ON THE VOLGA-RIVER» BY FR. GORENSTEIN:
EXPERIENCE OF THE ANALYSIS OF THE STORY IN THE CONTEXT OF
FRONTIER PARADIGM**

Zavyalova E.E.

Zavyalova Elena Evgenievna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan,
Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

The article analyzes a story by the famous Russian writer Friedrich Naumovich Gorenstein (1932–2002). The main character of the story, titled "Last summer on the Volga-river" (1988) is a metropolitan intellectual; he was going to forever leave his country and was making a farewell trip along the river. The story describes his stay in one of the Russian towns; the action takes no more than half a 24-hours of a single day. The events of the story are not related to Frontier transgression processes, but the text often addresses themes of colonization and intercultural dialogue. With all that the author of the article finds a large number of components, characteristic of literature, which tells about the encounter with "the Other". Among them, a dichotomy between "wild" and "civilized" areas, hostile to the guest environment, primitivization (and sometimes zoomorphism) in the images of the "natives", the quiriness of the alimentary preferences of the strangers, their sexual perversion, elements of transgressive behavior, and so on. Special attention is paid to the actual writer of the story who too has emigrated. At the conclusion the article discusses a number of related problems, such as to the problem of "Self-Other", the idea of "professional" Russians, the theory of the existence of "rooted" and "rootless" people, and symbolism associated with these aspects. The author of the article believes that though her our approach is unusual, the results show, it is quite perspective and has a scientific value.

Keywords: Fr. Gorenstein, Frontier, identity, Alien, the Other, alimentary motifs, perversion, transgression, symbol.

References:

1. Bel'skaya, Y. V. (2011) "Feeling the void": postrealism picture of the world in the work of F. Gorenstein. G. G. Isaev (Ed.) *Artistic picture of the world in folklore and the works of Russian writers: collective monograph* (pp. 230–262). Astrakhan: Astrakhan state University, Publishing house "Astrakhan University".
2. Veselovsky, A. N. (1889) Researches in the field of Russian spiritual poetry. XI–XVII. *Proceedings of the Imperial Academy of Sciences in the Department of Russian Language and Literature* (vol. 46, number 6, pp. 96–144). St. Petersburg: Printing of the Imperial Academy of Sciences.
3. Gorenstein, F. N. (1989) Last summer on the Volga-river. *Time and Us: International Democratic Journal of literature and social problems* (number 105, pp. 5–60.). New York – Jerusalem – Paris: Publishing House of the "Time and Us".
4. Kondakov, I. V. (2000) Gorenstein F.N. P. A. Nikolaev (Ed.) *Russian writers of the twentieth century: Biographical Dictionary* (pp. 199–201). Moscow: Great Russian Encyclopedia; Rendezvous-AM.
5. Likhachov, D. S. (1997) Intellectuals – intellectually independent of the society. *Articles on Intelligentsia* (pp. 77–85). St. Petersburg: Eve.
6. Romanova, A. P., & Ermukhanova, N. A. (2015) Cross-cultural communications in the period of early Frontier in the Caucasus. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice* (number 1 (51), h. I, pp. 172–175). Tambov: Gramota Publishers.
7. Shklovsky, V. B. (1992) Art as Technique. Latinin BA (Ed.) *Poetics* (pp. 24–40). Moscow: Publishing House of the Russian Open University.
8. Yakushenkov, S., & Romanova, A., & Baeva, L., & Khlyshcheva, Ye., & Morozova, Ye., & Yakushenkova, O. (2014) Frontier as a heuristic model of historical and cultural knowledge: Round Table. *Caspian region: politics, economy, culture* (№ 4, pp. 304–314.). Astrakhan: Astrakhan state University, Publishing house "Astrakhan University".
9. Yakushenkova, O. S. (2014) *The image of a stranger on heterotopic spaces of the Frontier: dissertation*. Astrakhan.
10. Hetenyi, Z. (2004) Russia Stepchildren: marginality motives in the works of F. Gorenstein. *Revue des études slaves* (t. 75, fascicule 1, pp. 141–155). Paris.

**САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В ЮЖНОМ КИТАЕ V В. ДО Н.Э.**

Саракаева Э.А., Саракаева А.А.

Саракаева Элина Алиевна, Хайнаньский государственный университет,
КНР, 570228, провинция Хайнань, город Хайкоу, район Мэйлань, остров
Хайдяньдао, ул. Народный Проспект. Эл. почта: 2689655292@qq.com

Саракаева Ася Алиевна, Хайнаньский государственный университет,
КНР, 570228, провинция Хайнань, город Хайкоу, район Мэйлань, остров
Хайдяньдао, ул. Народный Проспект. Эл. почта: asia-lin@mail.ru

Статья посвящена политической культуре южнокитайского фронта на рубеже периодов Весен и Осеней и Борющихся царств. Материалом для анализа послужили исторические хроники периодов Борющихся Царств и ранне-имперского периода. Авторы выделяют и анализируют модели самопрезентации правителей царств У и Юэ при их взаимодействии с представителями северокитайской чжоуской культуры и объясняют, каким образом данные способы репрезентации, с одной стороны, служили политическим целям южных элит, с другой, - обеспечивали сохранение этнокультурной самобытности Юга при интеграции в общекитайское цивилизационное пространство. Главными агентами культурного взаимодействия стали представители социальной верхушки южнокитайских государств, которым в военных и дипломатических целях пришлось изучить чжоускую философию управления и научиться презентовать себя теми методами, которые обеспечивали бы им успех при контакте с северянами в условиях культурной гегемонии последних. При этом князья и министры У и Юэ не забывали и собственных корней, что давало им определенную вариативность при выборе стратегии самопрезентации. В зависимости от цели, их презентация могла строиться двумя диаметрально противоположными способами: по декларативному типу «Я – свой» или по манипулятивному типу «Я – Чужой». Таким образом, правящая элита южных государств сумела, сохраняя собственную культурную самобытность, непротиворечиво включить свои страны в китайский цивилизационный проект. В результате локальная история не-китайских этнических образований У и Юэ не осталась предметом сугубо краеведческого интереса, она вошла в смысловой и политико-нормативный центр китайской культуры.

Ключевые слова: южнокитайские царства, царство У, царство Юэ, стратегии самопрезентации, самопрезентация декларативного типа, самопрезентация манипулятивного типа, Фу Чай, Гоу Цзянь, Фронтир

Китайская цивилизация, созданная в бассейне Хуанхэ предками современных ханьцев, является одной из древнейших самобытных цивилизаций в мировой истории. По мере ее роста и географического распространения в орбиту ее влияния попадало множество местных культур, сотни этносов, стоящих на различных ступенях социально-

экономического и политического развития. Поэтому история формирования Китая – это история постоянного фронтального взаимодействия и взаимопроникновения экономических укладов, культурных кодов с присущими им ценностными установками и политических структур и стратегий. В настоящей работе мы рассмотрим некоторые аспекты проникновения политической культуры Северного Китая, то есть чжоуского¹ конгломерата государств, через южнокитайский фронт – в древние государства У и Юэ.

Царство У, находившееся южнее реки Янцзы, занимало в пору своего расцвета территории современных провинций Цзянсу, Цзянси и Чжэцзян. С ним соседствовало еще более окраинное по отношению к срединным китайским княжествам царство Юэ. Населенное народом, родственным современным вьетнамцам, оно занимало север провинции Чжэцзян. *«Юэцы татуировали свои тела, стригли коротко свои волосы на голове, срезали тростник...»* – пишет о них китайский историк (Сыма Цянь, 1992, стр. 16). Наконец, на самых окраинах китайской ойкумены жили племена, которых даже население У и Юэ считало «варварами»: *жуны, мани, ди, и* – все они «на протяжении многих столетий постепенно поглощались крупными владениями и подвергались воздействию китайской культуры и процессам ассимиляции» (Вяткин, 1987, стр. 17-18).

Этим двум государствам – У и Юэ – предстояло определять жизнь всего южнокитайского региона на протяжении нескольких столетий, вплоть до установления в III в. до н.э. империи Цинь Ши-хуана. В частности, царство Юэ (произносимое кстати как «Вьет» в языках Южного Китая) «стало звеном, соединяющим народы материковой и островной Юго-Восточной Азии с китайской цивилизацией» (Лаптев, 2010, стр. 116).

В V в. до н.э. У и Юэ были молодыми государствами: Сыма Цянь в своих «Исторических записках» насчитывает 24 поколения уских князей (Сыма Цянь, 1987, стр. 27-38) и 28 юэских (Сыма Цянь, 1992, стр. 26), но это вообще согласуется с тенденцией многих китайских ученых излишне удлинять историю, тогда как фактически эти два государства выходят на историческую сцену только в VI в. до н.э. (Васильев, 2000, стр. 207). Народы У и Юэ были неродственны чжоусцам. Это были южноазиатские культуры, обладающие набором оригинальных маркеров, среди которых выделяют коротко стриженные волосы, татуированные тела, чернение зубов и обычай носить младенцев, привязывая их за спиной (см. Иллюстрация 1). Дошедшие до нас данные об их этническом происхождении и языке свидетельствуют об австронезийском

¹ Династия Чжоу – китайская династия правившая с 1045 г. до н.э. по 265 г. до н.э. Описываемый период называется периодом Весен и Осеней (с 740 по 476 гг до н.э.) и характеризуется ослаблением власти чжоуского правителя – Сына Неба и феодальной раздробленностью.

происхождении юэсцев (народа группы бать-вьет)¹. Впрочем, к моменту формирования у них государственности оба эти народа уже оказались во фронтирной зоне распространения северокитайской чжоуской культуры (см. Иллюстрация 2).

V век до нашей эры историки даже называют «век Юга» (Деопик 1978, стр. 267), когда мелкие государственные образования консолидируются вокруг трех главных южных царств Чу, У и Юэ, а сами они предпринимают политическую экспансию в Серединные княжества. Причем правители этого конгломерата в своем стремлении на север осознают важность культуры и культурного диалога как инструмента военной дипломатии, как способа установления взаимопонимания и политического единства.

Естественно, что главными агентами культурного взаимодействия стали представители социальной верхушки южнокитайских государств, которым в военных и дипломатических целях пришлось изучить чжоускую философию управления и научиться презентовать себя теми методами, которые обеспечивали бы им успех при контакте с северянами в условиях культурной гегемонии последних. В этом отношении характерна история усского принца Цзи Чжа, который в течение многих лет ездил по разным уделам чжоуского Китая, изучая его историю, музыку и менталитет. А уже в следующем поколении у усского правящего дома проявляются амбиции стать не просто частью Чжоу, но и его руководителями.

При этом князья и министры У и Юэ не забывали и собственных корней, что давало им определенную вариативность при выборе стратегии самопрезентации. В зависимости от цели, их презентация могла строиться двумя диаметрально противоположными способами:

- 1) по декларативному типу «Я – свой» или
- 2) по манипулятивному типу «Я – Чужой».

Презентация «Я – свой» определяет презентующего как члена одной клановой или социальной группы со слушателем, или же как участника известного слушателю и уважаемого им общественного договора. Так, усские князья успешно эксплуатировали историческую легенду Чжоу, согласно которой у первого царя чжоуской династии Вэнь-вана было два старших брата, они не хотели конкурировать с добродетельным и талантливым младшим за престолонаследие, и потому уехали на юг и ассимилировались с местным варварским населением: *«покрыли свои тела татуировками, обрезали волосы, чтобы показать что их нельзя больше возводить на престол»* (Сыма Цянь, 1987, стр. 26) . С момента установления регулярных контактов между Чжоу и У усские

¹ На китайском языке 百越 «бай юэ», т.е. сто народов юэ

государи стали претендовать на происхождение именно от этих двух северных переселенцев, что позволило им считаться родственниками чжоуского «Сына Неба» (Цзо Цюмин, 2008, стр. 11-12), причем родственниками по старшей линии, а не по младшей, как множество других удельных князей в Поднебесной.

«Уский ван¹ заспорил о старшинстве с цзиньским Дин-гуном. У-ван сказал: «Среди представителей дома Чжоу я старший». Цзиньский Дин-гун заявил: «Среди представителей рода Цзи я являюсь главой» (Сыма Цянь, 1987, стр. 37-38).

Здесь уский правитель, споря с представителем срединного княжества, претендует на равенство с другими китайскими князьями и даже на первенство среди них на основании легенды о происхождении усского княжеского дома от старшей ветви рода, к которому принадлежит Сын Неба, формально все еще считавшийся правителем страны. Цзиньский правитель парирует тем что он –потомок чжоуского дома по прямой нисходящей линии.

В том же эпизоде, доказывая свои права на первое место в союзе князей, правитель У сначала обвиняет противников в неуважении к Сыну Неба и отказу подчиняться его приказам, а затем, напоминая о своем родстве с чжоуским домом, заявляет собственные претензии на роль гегемона, которую его оппоненты якобы не в состоянии выполнять:

«Уский ван сам ответил: «Сын Неба отдал приказ, в котором говорится, что дом Чжоу ослаб, дань и подношения не поступают, и поэтому нечего подносить в жертву Верховному владыке, душам умерших и духам, нет помощи от чжухоу², носящих фамилию Цзи³. Однако ныне вас не волнует, что дом вана⁴ лишился покоя. Спокойно опираясь на многочисленные цзиньские войска, вы не используете их против жунов и дисцев, а, нарушая правила поведения в отношениях между старшими и младшими братьями, тратите усилия в карательных походах против братских владений.

Я хочу сохранить положение и титул, принадлежавшие нашим покойным вана, поэтому не смею требовать ничего большего, но и не могу пойти на уступки. Придется или не придется мне служить вам — это должно определиться сегодня» (Го юй, 1987, стр. 281).

Здесь уский ван прямо позиционирует себя как защитника верховного сюзерена и арбитра для всех китайских княжеств. Заканчивается речь прямой угрозой начать военные действия, если его

¹ 王«ван» высший княжеский титул в Китае.

² 诸侯чжухоу – удельные князья

³ Фамилия правящей династии Чжоу

⁴ Имеется в виду верховный «ван»- чжоуский Сын Неба

претензии не будут приняты. Завершается эпизод тем, что союз князей вынужден подчиниться У-вану, убежденный, конечно, не столько его красноречием, сколько демонстрацией военной мощи (см. Иллюстрация 3).

Юэские правители, не претендуя на прямое родство с династией Чжоу, тоже нашли возможность включить свою генеалогию в северную мифологизированную историю. Эту возможность им предоставила легенда о Великом Юе, усмирителе потопа, который умер и был погребен на горе Гуйцзи-шань, в современной провинции Чжэцзян. Эта гора располагается как раз на территории древнего царства Юэ, и потому юэские правители вели свой род от внука Великого Юя, который, по преданию, поселился подле могилы своего деда, чтобы приносить жертвы его духу (Цзо Цюмин, 2008, стр. 9). Такая генеалогия хоть и не включала юэских князей в состав чжоуской правящей династии Цзи, но вполне обеспечивала им место в социальной элите Срединных государств (см. Иллюстрация 4).

Пример более тонкой и косвенной самопрезентации как аристократа и полноправного удельного князя чжоуской ойкумены мы видим в исполнении уского вана Фучая¹. Он вел войну против государства Ци, когда циский правитель оказался предательски убит своими подданными. Узнав об этом, Фучай тотчас прекратил боевые действия, отвел войска и в течение трех дней демонстративно оплакивал своего погибшего врага (Сыма Цянь, 1987, стр. 36). Все образованные чжоусцы могли без труда считать посыл этой демонстрации: Фучай принадлежит к той же социальной среде, что и убитый князь, и потому скорбит о его несчастьях; он знает и разделяет культурные ценности чжоуской аристократии, в частности, он не станет своекорыстно пользоваться шоком и растерянностью народа, только что потерявшего своего государя.

Вообще в поведении уского Фучая есть особенность, сбивающая с толку современных китайских историков – этот неутомимый завоеватель, по сути дела, ничего не завоевывал. Нанеся очередное поражение соседнему государству, Фучай удовлетворялся изъявлением покорности со стороны местного князя и выплатой более или менее символической контрибуции, не отторгая от побежденных царств территорий. Он не аннексировал побежденные государства или их части. В этой связи китайские историки упрекают уского вана в грубом незнании современных ему экономических реалий – якобы он не понимал, что в доиндустриальную эпоху важнейшим достоянием государства могли быть только территории и население, а никак не золото, которым выплачивались контрибуции (Ян Цзюнь, Гао Ша, 2014, стр.138).

¹ 夫差у этого имени два варианта произношения – Фуча и Фучай. Мы пользуемся более современным, Фучай.

С нашей же точки зрения, очевидно, что Фучай совершенно сознательно избегал аннексий, поскольку претендовал на статус «ба-ван¹а» - князя-гегемона. В период Весен и Осеней гегемон был главой чжоуских удельных князей, организатором совместной обороны против варваров и защитником Сына Неба. Циский Хуань-гун, первый князь-гегемон, послуживший образцом для всех последующих, не только не захватывал чужих земель, но даже подарил часть своей территории заведомо более слабому соседу ради сохранения этикета и дипломатического декораума. А потому отказ Фучая от аннексий, сам по себе, был частью его самопрезентации: он по собственной инициативе соблюдал ограничения, налагаемые чжоуским общественным договором на гегемона, и в свою очередь, ожидал от правительств и народа Срединных государств выполнения их части договора – повиновения и уплаты налога.

Получив от чжоуского Сына Неба титул гегемона, юэский князь Гоу Цзянь тоже немедленно продемонстрировал свое понимание возлагаемой на него миссии: *«Он поднёс царству Чу земли в верховьях Хуайхэ, вернул княжеству Сун земли, захваченные у него царством Чу, а княжеству Лу отдал сто квадратных земель на востоке бассейна реки Сышуй. Все правители владений на востоке выражали к Юэ почтение, называя юэского вана «ба-ваном»* (Сыма Цянь, 1992, стр. 21).

В похвалу этому южному варвару Сыма Цянь говорит *«...изнуря тело и пребывая в тяжких заботах, в конце концов он покончил с сильным княжеством У, на севере занимался военными делами срединных княжеств. Он стремился почитать чжоуский дом, от которого получил титул ба-вана....В его делах присутствовал отсвет деяний самого Великого Юя»* (Сыма Цянь, 1992, стр. 27).

Эта характеристика особо примечательна тем, что фронтирные образы не-китайских народов, как показывают С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова, (2012, стр. 239) строились по традиционным паттернам Чужого - варвары до крайней степени маргинализировались, уподоблялись животным, и само общение с ними якобы «загрязняло» китайцев. Здесь же великий китайский историк доказывает, что мудрый правитель – даже варварского происхождения - следуя культурно-политической модели китайцев, становится не просто «своим», но защитником и олицетворением Своего. Пусть даже с татуировками на теле, с остриженными волосами и говорящий на чужом языке, он воплощает в себе самую идею китайского мира.

Удачная интеграция в культурно-идеологическое пространство срединных государств приносит свои плоды – отныне история победы

¹ 霸王, верховный князь-гегемон

юэского Гоу Цзяня над уским Фучаем и другими царствами становится «своей» историей. Как показывает Пол Коэн (2009), история южнокитайских царств, особенно повествование о возрождении царства Юэ, была и остается в Китае центром общественного и частного дискурса; история варварского царства превратившись в «свою» историю, вписывается в различный политический и социальный контекст. Так, в разные периоды китайской истории – особенно в новое время – образ юэского Гоу Цзяня служил примером того, как при усердии и упорстве страна, переживающая период национального унижения и экономического кризиса, может восстать из пепла и восторжествовать над своими обидчиками. О Гоу Цзяне вспоминали китайцы в конце XIX века, в последние годы династии Цин, когда страну разрывали на части иностранные интервенты и в XX веке во время японской оккупации. Образ Гоу Цзяня всплывает в риторике коммунистических лидеров после становления КНР и в современной политагитации.

В южнокитайском городе Хайкоу, где живут авторы этой статьи, прямо напротив нашего дома, на стене висит изображение юэского Гоу Цзяня. Сидя с мечом на коленях под мешочком с желчью, которую он сосет, чтобы чувство горечи не давало ему забывать о долге мести (см. Иллюстрация 5)., древний князь исчезнувшего княжества напоминает нынешним китайцам о своей трагической борьбе и вырванной из горла у врага победе, призывает современников следовать его примеру мужества, настойчивости, жестокости и патриотизма....

Когда же южнокитайские правители желали, напротив, уклониться от следования социальным нормам чжоуского общества, они прибегали к презентации по типу «Я – чужой», которая исключала их из-под власти моральных и этикетных ограничений, принятых в Северном Китае «среди своих» и давала индульгенцию на своекорыстные акции. Чаще всего, такая самопрезентация использовалась ускими и юэскими правителями только с позиции силы. Наиболее яркий пример находим в «Речах царств», в эпизоде, когда посол побежденного царства У просит милости у юэских правителей. Отказываясь проявить милосердие к побежденным, юэский канцлер Фань Ли мотивирует это следованием «воли Неба». Когда же посол парирует эти слова упреком в жестокости, противоречащей китайским этическим нормам, Фань Ли прибегает к модели «Я-чужой»:

«Вансунь Ло воскликнул: «Люди, жившие в прошлом, говорили: «Не помогайте Небу творить жестокости!» Во владении У крабы съели все посевы риса, не оставив даже семян на следующий год, а вы хотите помочь Небу в проявлении жестокости. Разве вас не пугает, что это сулит несчастья?!»

Фань Ли ответил: «Господин Вансунь, в прошлом наши прежние правители, само собой разумеется, не получали от дома Чжоу даже титула цзы¹, они обитали на берегу Восточного моря вместе с большими морскими черепахами, аллигаторами, рыбами и съедобными черепахами, жили на островах среди рек вместе с лягушками. Поэтому, хотя в этом стыдно признаться, лицо у меня как у человека, но сам я по-прежнему — как дикая птица или зверь. Где уж мне понять ваши искусные речи!» (Го юй, 1987, стр. 303)». (см. Иллюстрация 6).

В другом эпизоде модель «Я- чужой» используется для того чтобы обосновать собственные претензии на высокий княжеский титул «ван»:

«При чжоуском И-ване (887-858) дом вана ослаб, чжухоу перестали являться на аудиенции к чжоускому двору и стали нападать друг на друга. В это время Сюн-цзюй поднял войско и напал на царства Юн и Яньюэ. Сюн-цзюй сказал: «Я южный варвар и не буду пользоваться титулами, прозвищами и посмертными именами, которые существуют в срединных государствах». После этого он поставил старшего сына ваном на землях Гоутань, среднего сына- ваном на землях Ао и младшего сына — ваном на землях Юэ-чжан. Все эти земли располагались вдоль реки Янцзы, где расселялись чуские мани. Когда наступило правление чжоуского Ли-вана (657 г.), который отличался жестокостью и суровостью, Сюн-цзюй, опасаясь того что Ли-ван нападет на Чу, отказался от того чтобы его сыновей титуловали ванами» (Сыма Цянь, 1987, стр. 81-81).

Здесь к риторике «Я-чужой» прибегает правитель южного княжества Чу, бывшего культурным и политическим центром китайского Юга. Правители царств У и Юэ, впрочем, даже не чувствовали необходимости в таких обоснованиях — они прямо именовали себя «ванами», не считаясь с китайской официальной титулатурой.

Очень характерен эпизод, в котором уский завоеватель Фучай требует от срединного княжества Лу (бывшего родиной Конфуция, его современника) налог скотом, полагавшийся Сыну Неба:

«На седьмом году правления Ай-гуна (488 г.), уский ван Фу-ча усилился и напал на княжество Ци, дошел до Цзэн и потребовал от Лу сто лао² скота. Ци Кан-цзы послал объяснить У-вану, что на основании существующего ритуала они отвергают это требование. У-ван сказал: «У меня татуированное тело, и [меня не стоит]³ упрекать в нарушении

¹ Четвертый по старшинству княжеский титул

² Мера измерения скота, обычно используемого для жертвоприношений. Один лао состоял из быка, барана и свиньи

³ В переводе Р.В. Вяткина «я не заслуживаю того чтобы меня упрекали». Мы не согласны с таким переводом и предлагаем свой вариант в квадратных скобках.

ритуала», но все же отказался от своего требования» (Сыма Цянь, 1987, стр. 36-37).

За скупыми строками этого абзаца читается, как посол царства Лу, бывшего общепризнанным хранителем ритуалов чжоуского дома, разъясняет варварскому князю нормы этикета, как Фучай, обиженный тем что посол своими речами клеймит его как варвара, вначале заявляет ему – раз в ваших глазах я варвар (а я и в сам деле варвар, покрытый татуировками), то к чему ваши речи, какое мне, варвару, дело до ваших норм? Потом, однако, спохватывается, вспоминая свои претензии на роль гегемона, защитника чжоуского дома, и в конечном итоге отказывается от всех своих притязаний и даже в дальнейшем выступает в защиту царства Лу, этого ядра чжоуской цивилизации.

В хронике «Вёсны и осени У и Юэ» приводится рассказ о том как покорив враждебные княжества и добившись титула гегемона, юэский князь Гоу Цзянь призывает к себе на службу талантливых людей. Под талантами князь имеет в виду «бинькэ» - политических консультантов, стратегов и полководцев, которые всегда стекались под знамена удачливых удельных князей, помогая им формировать внутреннюю и внешнюю политику. Неожиданно на призыв завоевателя откликается ни кто иной, как философ и моралист Конфуций. Морально-этические постулаты Конфуция – это отнюдь не то, что интересует Гоу Цзяня, но авторитет Учителя слишком высок, чтобы обойтись с ним бесцеремонно, и Гоу Цзянь удачно использует модель «Я-чужой»:

«Гоу Цзянь спросил: «Чему Учитель будет обучать нас?» Конфуций ответил: «Я буду обучать великого вана принципам правления Пяти Императоров и Трёх Государей, используя игру на музыкальных инструментах». Гоу Цзянь вздохнул: «Люди Юэ дики и невежественны, ездят на лодках, живут в горах. Лодки им служат вместо колесниц, вёсла служат вместо лошадей (см. Иллюстрация 7). Нападают неудержимо как ветер, когда отступают, их невозможно догнать. Юэсцы любят сражения, не боятся смерти, таков их нрав. Как же Учитель собирается наставлять нас? Конфуций ничего не ответил и простился» (Чжао Е, 2008, стр. 432) (перевод наш Э. и А. Саракаевы).

Весь этот диалог на самом деле никак не мог состояться – к тому времени как Гоу Цзянь одержал свои победы, Конфуций уже скончался - и тем не менее здесь верно схвачены характерные манипулятивные черты самопрезентации правителей южного Китая.

Интересную комбинацию обеих моделей самопрезентации содержит следующий эпизод:

«На тридцать пятом году правления У-вана (706 г.) царство Чу напало на Суй. Правитель Суй сказал: «Я не совершил никакого

преступления», на что правитель Чу заявил: «Я принадлежу к варварам мань и и. Ныне, когда все чжухоу восстанут против дома Чжоу, нападают друг на друга, даже убивают один другого, я имеющий слабые войска, хочу посмотреть как управляются срединные царства, и попросить дом вана даровать мне титул».

Суйцы, выполняя эту просьбу, отправились к чжоускому двору просить о пожаловании титула правителю Чу, однако дом вана ответил отказом. Чуский правитель в гневе сказал: «Мой родоначальник Юй был наставником чжоуского Вэнь-вана, но рано скончался. Затем чжоуский Чэн-ван выдвинул наших ныне покойных правителей - гунов¹, предоставив им поля, титулы и повелев им проживать в Чу. Все южные варвары мань и и подчинились нам, а теперь чжоуский ван не дает мне более высокого титула, поэтому я сам одарю себя почетным титулом»² (Сыма Цянь, 1986, стр. 1698)

Чуский князь, угрожая интервенцией, требует от представителя срединных государств посредничества между собой и чжоуским Сыном Неба. Здесь риторика «Чужого» является открытой угрозой: если и пока я – «чужой», я ваш враг, если хотите поладить со мной миром – официально признайте меня «своим». Когда же этот подход не срабатывает, возмущенный чуский князь в одном и том же высказывании объединяет две модели самопрезентации: я же свой, мои предки имели заслуги перед китайским правящим домом, как вы смеее отвергать меня? Но раз уж срединные государства все же посмели отвергнуть его претензии, чуский правитель отказывается от любой лояльности к ним и присваивает себе высший княжеский титул, основываясь не на феодальной системе Чжоу, а на праве сильного.

Итак, в своей работе нам удалось показать, что успешное использование ускими и юэскими правителями заимствованных с севера политических стратегий, в том числе и стратегий самопрезентации в условиях фронта имело далеко идущие последствия для всей китайской культуры в целом. Правящая элита южных государств сумела, сохраняя собственную культурную самобытность, непротиворечиво включить свои страны в китайский цивилизационный проект. В результате локальная история не-китайских этнических образований У и Юэ не осталась предметом сугубо краеведческого интереса, она вошла в смысловой и политико-нормативный центр китайской культуры. Китайские писатели, мыслители и политики многократно пересказывали ее, извлекали из нее моральные и практические уроки, вписывали в нее собственные ценности и идеалы. Мастерское владение и творческое чередование альтернативных

¹ 公«гун» -второй по старшинству княжеский титул

² Чуский правитель претендует на первый княжеский титул – «ван»

моделей самопрезентации, возможно, и не обеспечило южным государям военную и властную гегемонию в современной им китайской ойкумене, но зато помогло их народам не просто раствориться в плавильном котле фронта, а оставить свой след в многовековой культуре всей Восточной Азии.

Библиографический список:

1. 左丘明 (2008)。 *左转*。三秦，三秦出版社。(Цзо Цюмин. *Неофициальные комментарии Цзо*. Санцин: книгоиздательство Санцин)
2. 赵晔(2008)。 *吴越春秋全译*。贵州: 贵州人民出版社 (Чжао Е. *Вёсны и осени У и Юэ*. Полный перевод. Гуйчжоу: Гуйчжоуское народное книгоиздательство)
3. 杨军，高厦 (2014)。 *吴国传奇*。北京: 中国国际广播出版社。(Ян Цзюнь, Гао Ша. *Повести о царстве У*. Пекин: Издательство китайского международного радиовещания).
4. 袁康，吴平 (1996)。 *越绝书全译*。贵州人民出版社 (Юань Кан, У Пин. *Книга о Юэ*. Полный перевод. Гуйчжоу: Гуйчжоуское народное книгоиздательство)
5. Васильев Л.С. (2000). *Древний Китай*. Том 2. Москва: «Восточная литература» РАН
6. Вяткин Р.В. (1987). *О разделе «наследственные дома»*. Вступительная статья к V тому «Исторических записок» Сыма Цяня. Москва: «Восточная литература» РАН
7. Деопик Д.В. (1976) Центральная и южная части Восточной Азии как культурные очаги во 2–1 тысячелетиях до н. э. *Ранняя этническая история народов Восточной Азии*. М., 1976. Стр. 265-277
8. Го Юй (*Речи царств*) (1987). Москва: «Наука»
9. Лаптев С.В. (2010) История царства Вьет: данные письменных источников и проблемы реконструкции реальных событий. *Вестник древней истории*. N. 1 (272) /2010. Стр. 115-140. Москва: «Наука»
10. Сыма Цянь (1986). *Исторические записки*. Том IV. Москва: «Восточная литература» РАН
11. Сыма Цянь (1987). *Исторические записки*. Том V. Москва: «Восточная литература» РАН
12. Сыма Цянь (1992). *Исторические записки*. Том VI. Москва: «Восточная литература» РАН
13. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2012) Тело варвара: конструирование образа чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012. №4 (33), Стр. 233-240.

14. Cohen, P. (2009). *Speaking to History: The Story of King Goujian in Twentieth-Century China*. Berkeley: University of California Press.

SELF-PRESENTATION OF SOTHEREN CHINA'S RULERS IN THE CONTEXT OF FRONTIER CULTURAL INTERACTION (Vth c. B.C.)

Sarakaeva E.A., Sarakaeva A.A.

Sarakaeva Elina Alievna, Hainan state University
China, 570228, Hainan province, Haikou city, Meilan district, isle of Haidiandao,
People's Avenue. Email: 2689655292@qq.com
Sarakaeva Asia Alievna, Hainan state University
China, 570228, Hainan province, Haikou city, Meilan district, isle of Haidiandao,
People's Avenue. Email: asia-lin@mail.ru

The article discusses political culture of the South China frontier at the turn of the periods of Spring and Autumn and Warring States. The research is based on the analysis of historical chronicles: the periods of the Warring States and the early Imperial period. The authors single out and analyze the models of self-presentation of Wu and Yue rulers in their interaction with Northern China's Zhou culture, and explain how these methods of self-presentation on the one hand, served the political goals of the southern elites, on the other, ensured the preservation of ethnic and cultural identity of the South during integration into the dominant civilization project. The chief agents of cultural interaction were representatives of the South Chinese states' social top; with military and diplomatic purposes they had to study philosophy of management of central Zhou kingdoms and to learn presenting themselves according to those methods. It determined their success at contacts with the northerners who enjoyed cultural hegemony. Besides, princes and ministers of the kingdoms Wu and Yue didn't forget their own roots that gave them certain variability at a choice of self-presentation strategies. Depending on their goal, their presentation could be modelled in two opposite ways: the declarative type "I am one of US" or the manipulative type «I am the Other». Thus, the ruling elite of the southern states managed, while keeping their own cultural originality, consistently to include their countries into the frame of the Chinese civilization project. As a result the local history non-Chinese ethnicities Wu and Yue didn't remain a subject of merely local interest, it was included into the semantic and political center of the Chinese culture.

Key words: South China's states, the Kingdom of Wu, the Kingdom of Yue, strategies of self-presentation, the declarative type of self-presentation, the manipulative type of self-presentation, Fu Chai, Gou Jian, the frontier

References:

1. 左丘明 (2008)。 *左转*。 三秦， 三秦出版社。 (Zuo Quming. *The Unofficial Chronicles of Zuo*. Sanqin: Sanqin publishing house)
2. 赵晔(2008)。 *吴越春秋全译*。 贵州： 贵州人民出版社 (Zhao Ye. *Spring and Autumn Annals of Wu and Yue*. Full translation. Guizhou: Guizhou People's publishing house)
3. 杨军， 高厦 (2014)。 *吴国传奇*。 北京： 中国国际广播出版社。 (Yang Jun, Gao Sha. *The Legends of the Wu Kingdom*. Beijing: The Publishing House of International Broadcasting Centre).
4. 袁康， 吴平 (1996)。 *越绝书全译*。 贵州人民出版社 (Yuan Kan, Wu Ping. *The Glory of Yue*. Full translation. Guizhou: Guizhou People's publishing house)
5. Vasilyev L.S. (2000). *Ancient China*. Vol. 2. Moscow: «Oriental Literature» of RAS
6. Vyatkin R.V. (1987). *On the chapters «Hereditary Houses»*. The Introductory Article to the Vth Volume of Sima Qian's «The Records of the Grand Historian». Moscow: «Oriental Literature» of RAS
7. Deopick D.V. (1976) The Central and South Parts of East Asia as Cultural Centres in 2-1 thousand B.C. In *The early ethnic history of the peoples of East Asia*. Moscow, Pp. 265-277
8. Guo Yu (*The speeches of the Kingdoms*) (1987). Moscow: «Science»
9. Laptev S.V. (2010) The history of the Viet Kingdom: the data of the written records and the problem of the real events reconstruction. In *Journal of Ancient History No. 1* (272). Pp. 115-140. Moscow: «Science»
10. Sima Qian (1986). *The Records of the Grand Historian*. Vol. IV. Moscow: «Oriental Literature» of RAS
11. Sima Qian (1987). *The Records of the Grand Historian*. Vol. IV. Moscow: «Oriental Literature» of RAS
12. Sima Qian (1992). *The Records of the Grand Historian*. Vol. IV. Moscow: «Oriental Literature» of RAS
13. Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S. (2012) Barbarian Body: Construction of the Alien's Body on the Chinese Frontier. In *Caspian Region: politics, economics, culture*. No 4 (33), Pp. 233-240.
14. Cohen, P. (2009). *Speaking to History: The Story of King Goujian in Twentieth-Century China*. Berkeley: University of California Press.

Иллюстрации

Иллюстрация 1. Традиционные юэские жилища.
Современный симулякр. Фото авторов

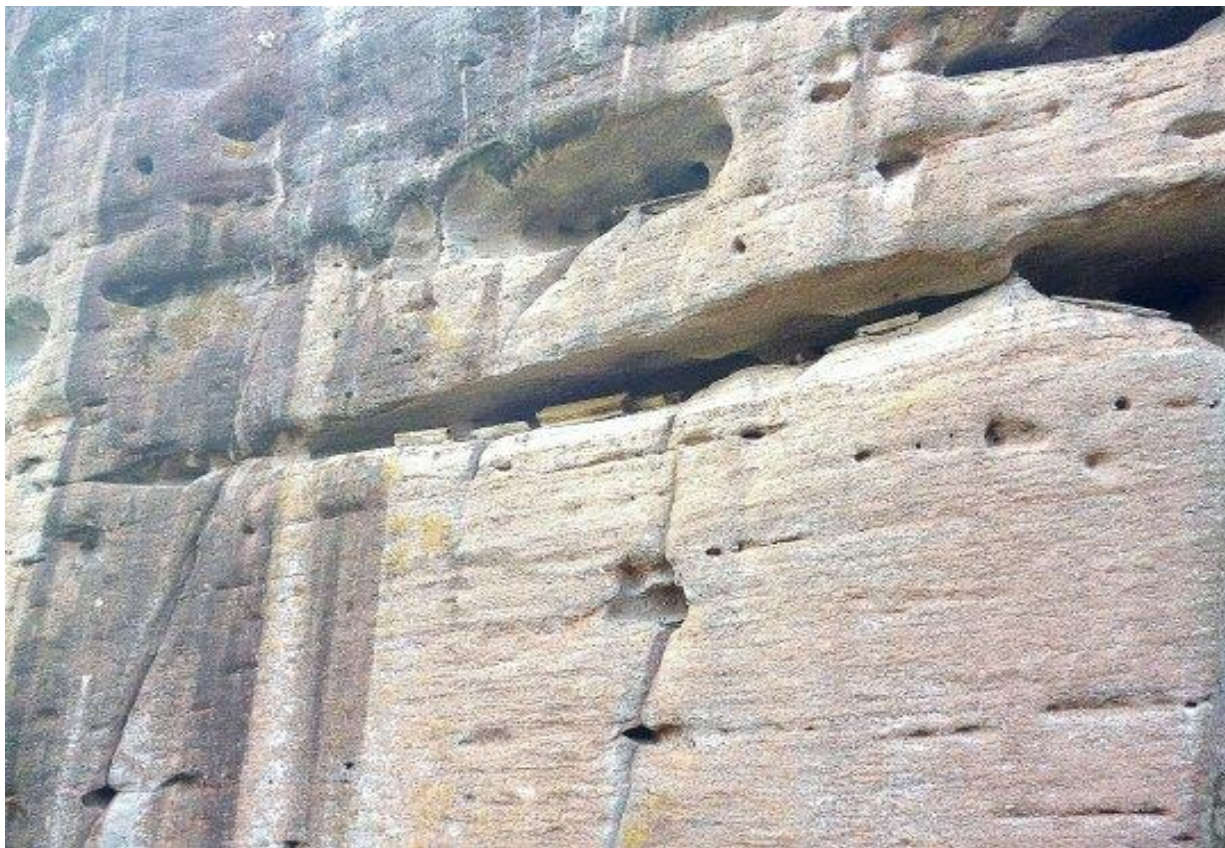

Иллюстрация 2. Древние юэские захоронения в «подвесных» каменных гробах, пускаемых на тросах и помещаемых в расщелины скал. Фото авторов

Иллюстрация 3. Подлинное копье усюкого князя Фучая в краеведческом музее г. Ухань. Фото авторов

Иллюстрация 4. Надпись на мече юэского князя Гоу Цзяня. На лезвии юэскими «птичьими» иероглифами написано: «Это меч юэского князя Гоу Цзяня». Фото авторов

Иллюстрация 5. Гоу Цзянь. Социальная реклама 2016 г., пропагандирующая китайские ценности. Справа иероглиф 耻 chǐ – «стыд, позор» - здесь имеется в виду как умение переносить бесчестие ради высокой цели так и стыд как средство самоконтроля. Фото авторов.

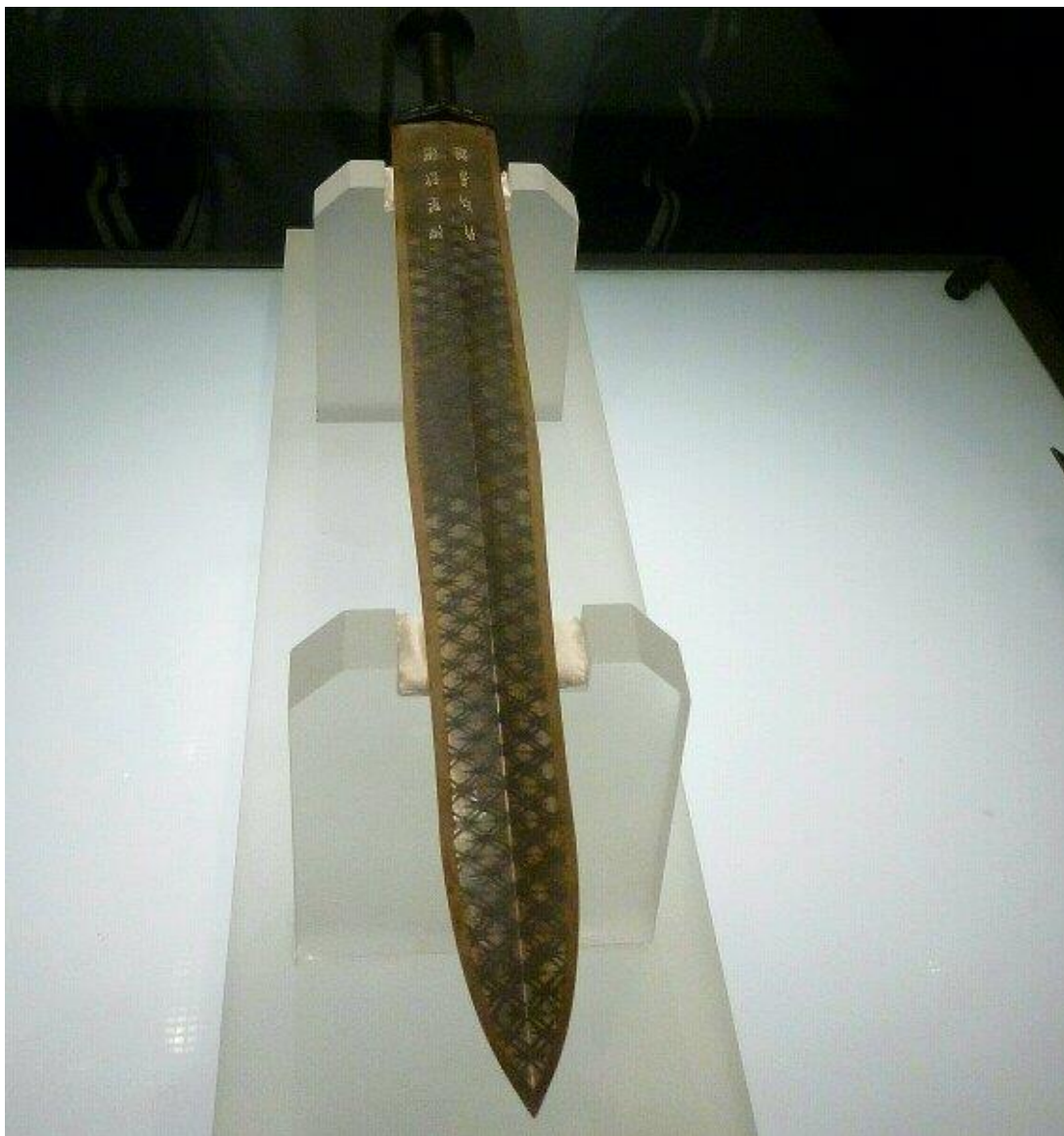

Иллюстрация 6. Подлинный меч князя Гоу Цзяня в краеведческом музее г. Ухань. Фото авторов

Иллюстрация 7. Традиционные юэские лодки. Фото авторов

ЭЛИТА И ФРОНТИР

Карабущенко П.Л.

Карабущенко Павел Леонидович – доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии.
Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Татищева 20а.
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Стабильность элиты измеряется уровнем качества ее системности. Все элиты пытаются утвердить свою власть путем упрочения своей системы, контролирующей ресурсы, информацию и систему управления. Любое нарушение этой системы создает в её целостном поле «разрывы» («провалы»), которые оказываются ей неподконтрольными зонами. Данную сингулярность можно считать проявлением фронта, поскольку это состояние можно описать посредством данной категории.

Фронт для элиты это всегда стрессовая ситуация, которая может до неузнаваемости изменить ее суть. Исследования элит в зоне фронтальных аномалий является одной из перспективных тем современной элитологической науки. Именно пограничные ситуации позволяют элитам выжить и проявить свои жизненные силы, или погибнуть под грузом своих недостатков и проблем.

Ключевые слова: акмеология, аксиология, бифуркация, пассионарность, синергетика, сингулярность, фронт, элита, элитология

Общественная история показывает, что любое явление или феномен наиболее четко проявляет свои родовые особенности и классификационные признаки, находясь в переломном моменте своего исторического развития, попав в т.н. «пограничную ситуацию». Это правило распространяется и на элиты, которые в условиях фронта испытывают серьезные физические перегрузки и деформацию своей заданной геометрии. Было замечено, что элиты ведут себя совершенно иначе, когда оказываются в пограничной ситуации (в критической точке). Но именно такие кризисные события и проявляют все ее основные «плюсы» и «минусы», являясь своего рода лакмусовой бумагой элитности, катализатором ее доминации. Элитология (как наука о соотношении элиты [формы] и элитности [содержания]) должна в первую очередь обращать внимание именно на такие «ключевые» моменты, когда элиты оказываются лишенными своего «парадного портрета» (Карабущенко, 2013).

Фронт весьма распространенное явление, которое мы можем встретить в своей повседневности везде, где возникают структурные разрывы в системе. Столь расширенное толкование этого явления

обусловлено тем, что указанные нами разрывы обладают определенной стабильностью и некоторой продолжительностью, что позволяет его рассматривать в качестве отдельно взятой структуры. В связи с этим перед нами стоит *задача* выяснить, как ведет себя элита в условиях фронта, какое воздействие он на неё оказывает, и каким приводит к последствиям. Для этого необходимо выяснить особенности фронта в этике, гносеологии, культуре, психологии и политике. Каждая из этих внутренних особенностей фронта делает его уникальным и непохожим один на другой. Исходя из этого, в качестве *объекта* настоящего исследования мы определяем элиты, а в качестве *предмета* – её состояние и поведение в условиях фронта.

Методологическую и теоретическую основу данной работы составляет конфликтологический подход, согласно которому элиты играют определяющую роль в процессе установления исторической и геополитической доминации. Наряду с этим в работе применялись методы диалектики и герменевтики, сравнительного и структурно-функционального анализа, используются принципы персонализма, аксиологии, акмеологии и исторической элитологии. Настоящее исследование опирается на труды таких известных ученых, как Платон, Н. Макиавелли, А.Дж. Тойнби, О.А.Г. Шпенглер, Л.Н. Гумилев, Г.К. Ашин, Р. Дарендорф и др. Помимо этого, автором используются теоретические выводы классических теорий элит начала XX в. (Mosca G. Pareto V., Michels R.) и неклассических теорий элит середины и второй половины XX столетия (N.A. Berdyaev, J. Ortega y Gasset, K. Mannheim, Ch. Lasch).

В дальнейшем мы будем рассматривать фронт как феноменологическое явление, характеризующее разрыв между системами и провалом структуры внутри самих систем. Возникающая на этом «разломе» сингулярность становится главным признаком, характеризующим фронт как состояние моральной нестабильности, политического хаоса и анархического уклада общественного бытия. Как сингулярность, фронт представляет собой пространственно-временное искривление общественных и культурных законов, которые там просто перестают действовать; это есть физическая граница применения существующих правил (в частности, законов государства), до неузнаваемости искажающие нормы морали; это есть особое состояние свободы, становящейся анархией, когда каждый сам за себя.

В целом, фронт – это пространство сингулярного времени, перспективой которого является бифуркация, как снятие цивилизационного напряжения. Локально фронт может возникнуть в любое время в любом месте, как некий провал в системе. Разрыв схем внутри системы приводит к возникновению ситуации, в которой нет месту

прежнему порядку и контроль за которой утрачивается всеми заинтересованными сторонами. Фронтир рождает неконтролируемую пассивность, всплески которой несут определенную угрозу классической культуре и цивилизации (Гумилев, 1993). В расширенном значении фронтир есть устойчивое состояние конца и начала двух или более систем, вынужденных находить способы взаимодействия на этой своей периферии, при минимуме возможностей и при максимуме сложностей. Поэтому фронтир – это, прежде всего, всегда конфликтная зона. Именно поэтому все законы конфликтологии распространяются на его правила существования.

Элитология фронта. Для элитологии представляется особенно интересным изучение элит, оказавшихся именно в зоне таких системных провалов. Как известно, элитология – это наука об элите и элитности (Карабущенко, 2013, стр. 570-572). Феномен элиты всегда определяется через соотношения ее формы (элиты, как статуса) и содержания (элитности, как личного достоинства) включенных в непрерывный процесс развития (элитизации), *Элита есть великое в малом: это лучшее по качеству, большее по возможностям, но малое по количеству (составу) активная доминация, детерминирующая свое время и облагораживающее подконтрольное ей пространство.*

С точки зрения элитологии, фронтир есть неконтролируемое никем (ни элитой, ни наукой об элите и элитности) состояние событий и идей, в котором нарушаются все известные науке законы и создаются еще неизвестные элитам правила поведения будущего. Это своего рода «творческая лаборатория» истории. Поэтому фронтир для нас это и пограничная историческая эпоха, и пограничная политическая ситуация, и пограничное психолого-культурное пространство и время, когда элиты оказываются по ту сторону своей сущности.

С *этической* точки зрения, фронтир - это граница культурного и бескультурного поведения субъектов элиты, когда он занимает элитарный статус, но всё ещё остаётся носителем массовых ценностей и психологии толпы. Глумление над нравственностью, что мы наблюдаем в некоторых поступках сильных мира сего, было описано еще Н. Макиавелли как родовое проклятие политики. Такое поведение выводит политика за рамки человечества, делает его «белокурой бестией», аморальным существом, обладающего сверхвозможностями повелевать и миловать, карать и награждать.

С *гносеологической* точки зрения фронтир это граница между освоенным и не освоенным знанием, утвердившимися или отвергнутыми истинами. Речь идет о некой зоне неустойчивой достоверности. Мир, где происходят все научные открытия (где, как утверждал И. Фихте, «не-Я»

становится «Я»). Именно в эту зону попадает (но уже по иным основаниям) и профессиональные знания действующих политиков, которые оказываются между двух крайностей – невежеством и мудростью. Сократовский тезис «я знаю, что ничего не знаю, но некоторые не знают даже и этого» выражает собой гносеологический фронтир между миром знаний и миром непознанного. Поэтому любое ученичество есть продвижение нашего познания в мир незнания, освоение гносеологического фронта с максимальным применением всех своих творческих способностей.

С точки зрения *культуры*, фронтир представляет собой границу варварства и цивилизации, где каждая из воюющих сторон пытается поставить свои маркеры на ценности, события, людей и идеи. Для цивилизации фронтир – это, прежде всего, кризис той части ее системы ценностей, которая оказывается на периферии отношения с новым варварством. Причем это «новое варварство» может быть как реальным фактом социокультурного бытия, так и вымышленной виртуальностью новейшей политической мифологии. Само выражение «новое средневековье» (Н.А. Бердяев) характеризуется как «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), как господство новой политической мифологии-идеологии (К. Мангейм).

С точки зрения *психологии*, фронтир это психологическая дистанция, которая образует собой некий разрыв, некую дисгармонию, неустойчивость в поведении человека. Сами условия фронта заставляют попавших сюда субъектов в целях выживания вести себя активно и даже агрессивно. Культ силы и насилия становится главным мотивом поведения.

Фронтир в *политике* – это разрушение всех правовых норм, возникновение феномена «дикого поля», где каждый пишет свои правила игры, исходя из собственных сил и возможностей. Элитарный frontier представляет собой некий «зазор» между освоенными и неосвоенными ресурсами власти конкретно правящей группы. Проявление фронта в политике угадывается также в таких явлениях, как охлократия, партизанщина, махновщина... Фронтир – это всегда нестабильность, это всегда конфликт. Распад политической и социальной систем приводит общество и власть в состояние смуты (революции), когда все оказываются в состоянии размытых границ, все оказываются между этими границами, которые перестают быть непреодолимым препятствием. Такой плюрализм равнозначен хаосу, поскольку он рождает анархию.

Человек фронта постоянно оказывается у края пропасти и постоянно вынужден бороться за свою жизнь и свои права. Поскольку на фронтире наблюдается четкое отсутствие государства, состояние

возвращается к описанному Т. Гоббсом первобытному бытию, когда шла война всех против всех (Гоббс, 1991, стр. 95-96). Пребывание «у края» рождает неустойчивую деструктивную психологию, постоянно тлеющего бунта. Фронтир в этом плане есть «у-краина» – ничейная территория, с ничейными людьми, ничейными (в плане организации и контроля) событиями, и ничейными (т.е. сомнительными) итогами (победами и поражениями).

Фронтир есть зона отчуждения государства, экономики и культуры. Область создание новых политических и хозяйственных ценностей. Каждый фронтир представляет собой уникальную совокупность географических, культурно-исторических и психолого-политических аномалий. Освоение нового пространства всегда приводило к столкновению этносов, претендовавших на исключительность владения в данном регионе. Но столкновение так же происходили и на уровне мировоззрений, культур и религий. Это неоформленное пространство – поле деятельности для сильных личностей, которые выдавливают отсюда слабые натуры обратно под защиту государства. Это пространство, где пассионарность достигает наивысшей точки своего кипения. Поэтому для некоторых пассионарных натур фронтир есть обязательное условие их эффективного существования.

Элита фронта. На фронтире с элитой случаются невероятные истории, самые настоящие чудеса, происходят удивительные метаморфозы. В элитологии фронтир элит – эта та область, где не работает ни один известный ныне закон науки об элите и элитности, где правила переписываются или заново пишутся самими элитами уже по ходу непосредственного их развития. Элита на фронтире – это система, вышедшая за горизонт своего планирования. Усиление сингулярности приводит к тому, что все прежние схемы поведения оказываются не рабочими и элита вынуждена в экстренном порядке придумывать и применять на практике новые правила игры.

В попавших на фронтир элитах чаще всего наблюдается рост деструктивного напряжения, отмечается потеря концентрации воли, сил и ресурсов; констатируется отход от креативности и общая хаотизация их основных идей и действий. На фронтир региональная элита попадает или в результате служебной необходимости (обеспечение сохранности границ), или в результате развала общей системы, когда отдельные ее элементы ищут в этой «нейтральной зоне» спасение от постигшего их в центре, коллапса. На фронтире происходит частичная фрагментация старой элиты с целью коррекции ее формата или создание на ее базе новых элитных формирований. Политическая история знает не мало случаев, когда возникшие на фронтире новые элиты отправлялись на завоевания

находящихся по соседству государств и успешно их покоряли. Тогда «изгои» становились новыми «законными правителями», создавшие свои новые системы властных отношений.

С точки зрения *физики элиты* – это состояние ее неопределенности, содержащий лишь возможность, но не сам факт потенциальности её бытия. В состоянии сингулярности элиты не контролируют события, а следуют их общему потоку. Поэтому элиты фронта всегда отличаются своей селекционной агрессивностью, структурной нестабильностью, профессиональной непредсказуемостью и генезисной незавершенностью. У таких элит обнаруживается повышенная убыль рядов, в результате предпочтения ими силовых способов решения конфликтных ситуаций. В целом – это элиты конфликта, доминанции войны, а не мира.

Поэтому мы склонны рассматривать политический frontier как зону свободного освоения пространства, при котором прежнее начальство теряет свои ресурсы и полномочия, и власть оказывается в руках неформальных лидеров («халифов на час») и разного рода иных маргинальных пассионариев. Фронт элиты это время освоения ею свободы, путем присвоения себя авторитета и новых властных полномочий. Это есть время в селекции элит, когда происходит освоение новых идей, еще не имеющих аксиологической ценности и политического значения.

Исторический frontier предельно жестко требует от элит немедленного решения вызова своей эпохи (Toynbee, 1987). И как следствие этого, мы видим усиление роли элитологии, в процессе принятия элитами и их лидерами подобных ответственных решений (Ашин, 2010). Но чаще всего сами старые элиты не справляются с этими историческими вызовами, и тогда им на смену приходит новое поколение творческого меньшинства, которое выступает со своей собственной инициативой, своей программой действия и своим проектом решения кризисной ситуации (Toynbee, 1987; Тойнби, 2001).

Элита, стоящая на фронтире, решает важный вопрос своей эпохи – она определяет место и время прохождения точки бифуркации и устанавливает вектор своего дальнейшего движения. В политической истории России было несколько таких бифуркационных точек – 862, 988, 1242, 1380, 1612, 1730, 1801, 1861, 1917, 1991 гг. И каждый раз элитам приходилось выбирать и давать ответ на вызов своего времени. Как правило это время серьезных потрясений, подымающих муть брожения своей эпохи. Во время Смуты (революции) возникает целая система политических, этических, гносеологических, культурных и иных фронтиров, Смута превращает во фронтир семью и отдельно взятую личность, фрагментируя ее как культурную единицу цивилизации.

В начале XXI в. реальная политика все чаще сталкивается с сингулярностью современной эпохи. Политические лидеры ведущих стран понимают, что мировая экономика находится на распутье, когда одно неправильное решение может обвалить всю существующую финансово-экономическую и социально-политическую систему. Об этом в частности говорил премьер-министр Японии Синдзо Або на встрече лидеров G7 в мае 2016 г. в префектуре Миэ на острове Хонсю. «Если будут приняты неправильные меры (по стабилизации экономики), мы можем столкнуться с кризисом, масштабы которого выходят за рамки обычных экономических циклов» (Саммит G7, 2016). Он, правда, не уточнил какое решение будет считаться правильным (видимо, этого никто из лидеров G7 не знает), но ощущает приближение точки бифуркации, что заставляет таких политиков как он, уже заранее искать возможные пути отхода, обхода и выхода из этой грядущей исторической неприятности.

Фронт в элите. Фронт в элитах может быть нескольких видов: 1) *исторический*, когда элиты определяют вектор исторического развития своего государства и нации; 2) *селекционный*, когда субъект элиты стремятся отделиться от масс и массовой культуры; 3) *аксиологический*, когда элита пытается определить свой цивилизационный код и выявить новые перспективные ценности (стандарты). Катастрофическим является соединение всех этих вышеназванных видов фронта в единую систему. Такая система оставляет элитам мало шансов на выживание. Справиться с одним из вызовов элиты еще могут, но когда они выстраиваются в систему, наступает кризис, чаще всего заканчивающийся войнами и революциями.

Фронт в элите представляет собой зону отчуждения интересов элит от интересов всего остального общества. Элитарный фронт – это еще и барьер между массами и элитами, когда последние закрываются от первых, а те в свою очередь лишаются доступа к высшим культурным ценностям.

Политический крах и катастрофы порождают фронт внутри разрушающихся систем. В эти системные «провалы» первыми проваливаются элиты, оказываясь между Сциллой и Харибдой политической Истории. Политика безжалостно расправляется с теми элитами, которые проигрывают борьбу за Историю, вследствие своего раскола.

Раскол в элите грозит возникновением в нем внутреннего фронта. Раскол элиты – зона турбулентного кризиса. Кризис элит – это нарастание в ней деструктивных сил, приводящих их к состоянию сингулярности. Раскол элиты означает появление в ней еще одного фронта, свидетельствующего об отсутствии среди её членов консенсуса.

Слабая элита сама создает «черную дыру» неконтролируемого ею пространства, из которой вырастают и вырываются наружу все социально-политические конфликты. Внутриэлитный фронтير признак кризиса, в котором оказались власти в результате распада политической системы. Такой раскол элит случился в недавнем прошлом с советской правящей элитой, когда возникло отчуждение власти и общества, лидеров и элиты, целей и средств их достижения.

Фронтир в элите – это зона неопределенности, когда субъекты элиты не в состоянии найти адекватного ответа на вызов своего исторического времени. В таких элитных сообществах нарастает эклектизм и деструктивный плюрализм мнений. Такие элиты сами создают себе неприятности, и выражаясь языком В.И. Ленина, активно участвуя в формировании «революционной ситуации».

Разрыв в системе приводит к разрушению не только внутренних связей, что чревато социальными потрясениями, но и меняет программу развития. Последнее видно на примере политической истории России начала XX в., когда культурное и научное развитие страны превосходило стремительно деградирующую социально-политическую сферу (Karabushenko, 2015, 5, pp. 529-535). Нечто подобное мы наблюдаем и в политической истории России начала XXI столетия, когда требование к науке со стороны власти оказываются в разы завышено относительно тех средств, которые государство само выделяет на ее развитие. (Karabushenko, 2015, 4, pp. 696-702).

Проблема фронта в политической истории элит. Жизнь на фронтире есть упрощение системы, которая обновляется посредством этого упрощения, для того, чтобы обрести новую сложность, выгодной уже для новой элитной группы. На фронтире никогда скучно не бывает, потому что там нет покоя. Фронтир – это всегда динамика, поскольку покой на фронтире смерти подобен. Выживает лишь только тот, кто активно двигается. *Фронтир любит смелость. Фронтир ценит свободу. Фронтир уважает силу.* Смелые и сильные там и добывают себе свободу и славу. Однако, хроники «дикого поля» оказываются вне поля зрения официальной летописи. Поэтому не все герои фронта становятся героями системы. Фронтир приютил тех, кто расходился с идеями сильных мира сего и кого эти сильные изгнали из своей системы как опасный для нее элемент.

Фронтир притягивает к себе свободных радикалов, которые здесь образуют свою политическую субкультуру. Как периферия центробежных сил, эта зона аккумулирует всю рассеянную мощь протестного движения, позволяя бывшим оппозиционерам если не быть, то хотя бы почувствовать себя новыми лидерами. Как зона отчуждения политической власти,

фронт на своих знамёнах пишет анархические лозунги, прославляя хаос права всех на всё и неограниченную государством свободу. И даже если открыто никто не признает себя анархистом, все всё равно ведут себя как записные анархисты (Карабущенко, 2014, стр. 152-163).

Для элиты выход во фронт означает уход с исторической арены, уход в небытие. Так было с царской элитой России после 1917 г. и с коммунистической элитой 1991 г. «Сошедшие с дистанции» теряются в историческом времени, выпадают из обоймы активно действующих политиков. Сами системные элиты весьма часто отрицают сам факт существования элит фронтного типа, которые наносят ощутимый репутационный вред самой идеи политической избранности. Они их обычно объявляют вне закона, характеризуя их криминальными, ненормативными, несистемными и деструктивными формированиями.

Временно возникшие фронтиры способны влиять (и влиять весьма серьезно) на государства, оказывая на них военно-политическое давление. Так было и с восстанием Степана Разина, и с бунтом Емельяна Пугачева. Центральная власть на какое-то время утрачивала контроль над этими окраинами, которые превращались (пусть и на короткое время) в самостоятельно функционирующее пространство. Политическая история таких зон имеет куда более интенсивный ход и кровавый характер. Это фактически зона прогнозируемой смерти, ибо ситуация бунта (смуты) узаконивает убийство, делая его рутинным и обыденным актом политической воли.

Особо следует отметить о появлении в геополитике т.н. «черных дыр» – территорий, где политика вообще утрачивает какую-либо силу и значение, и где возобладают догосударственные механизмы общения. В настоящее время «геополитическими черными дырами» стали такие бывшие страны, как Афганистан, Ирак, Ливия, Сомали... Центробежные силы фактически разорвали их на автономные части, а их квазиэлиты практически утратили над ними контроль. Выгоду из этой ситуации извлекают те мелкие группы пассионариев, которые заняты формированием новых смысловых элит и поиском нового общенационального лидера. Геополитические «черные дыры» могут существовать на протяжении длительного времени, постоянно выбрасывая заряды своей деструктивной энергии в виде потока беженцев, наркотрафика, религиозного экстремизма, террористической угрозы и т.д.

* * *

Современный мир представляет собой цивилизационный фронт, время смены аксиологических величин, конец детерминации «восстания масс» (Ortega, 1975) и начало доминации «восстания элит» (Lasch, 1995).

Трансформация всегда означает наличие некой переходной стадии, совмещающей в себе разные элементы двух сочетающихся систем. Борьба «старого» и «нового» порождает зону неопределенности, полную сингулярности и двойных смыслов. Это время борьбы двух и более доминант за стратегический детерминизм.

Россия тоже представляет собой культурный и цивилизационный фронт, находясь на стыке европейских и азиатских ценностей. Дар пространства – тяжелый дар, которым история сполна наградила Россию. Этот дар и ее счастье, и ее проклятье. Поэтому культурно-цивилизационный фронт возникает по всему периметру российских границ, там, где она соприкасается с другими культурами, и где сталкивается с иными геополитическими интересами. Фронт здесь представляет собой зону культурно-психологического отчуждения, вызванную разностью национальных традиций, историй и политик. Всё это позволяет утверждать, что фронт для России – это вечная тема, постоянно возникающая проблема, решение которой состоит не только в наращивании своей военной и экономической мощи, но и в установлении приемлемых диалоговых культурных и межконфессиональных связей.

Библиографический список:

1. Dahrendorf, R. (1965). *Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts*. (in ed. Gesellschaft und Freiheit). München.
2. Dahrendorf, R. (2003). *Über Grenzen: Lebenserinnerungen*. München: Beck, 2003.
3. Karabushchenko, P.L. (2013). Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism. *European Applied Sciences*, 1, pp. 232-235.
4. Karabushenko, P.L. (2015, July) The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 4, pp. 696-702.
5. Karabushenko, P.L. (2015, September) Russian Learned Elite to Search New Development Purport. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5, pp. 529-535.
6. Lasch, Ch. (1995). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W. W. Norton & Company. New York - London.
7. Mannheim, K. (1953). *Mannheim. Essays on sociology and social psychology*. L.
8. Ortega y Gasset, J. (1975). *La rebellion de las masas*. Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente.
9. Spengler, O.A.G. (1918). *Der Untergang des Abendlandes*. Wien: Braumüller.

10. Spengler, O.A.G. (1922). *Der Untergang des Abendlandes*. München: C. H. Beck
11. Toynbee, A.J. (1987). *A Study of History: Volume I: Abridgement of*. Oxford University Press.
12. Ашин, Г.К. (2010). *Элитология: история, теория, современность: монография*. М.: МГИМО (У).
13. Бердяев, Н.А. (1994). *Смысл творчества*. (изд. Философия творчества, культуры, искусства в 2-х Т.1). М.: Искусство.
14. Гоббс, Т. (1991). *Левиафан* (изд. Сочинения в 2-х тт. Т.2). М.: «Мысль».
15. Гумилев, Л.Н. (1993). *Этносфера: История людей и история природы*. М.: Экопрос.
16. Карабущенко, П.Л. (2013). *Элитология*. В П.Л. Карабущенко (ред.), *Элитология: Энциклопедический словарь*. М.: «Экон-информ».
17. Карабущенко, П.Л. (2014). *Элита и анархия. Вопросы элитологии: философия, культура, политика*, Т.11, стр. 152-163.
18. Саммит G7, (2016). *Саммит G7 в Японии начался с предупреждения об угрозе кризиса масштабов 2008 года*. Источник: <http://www.newsru.com/world/26may2016/g7abecrisis.html>
19. Тойнби, А.Дж. (2001). *Постижение истории: Сборник*. М.: Рольф.
20. Шпенглер, О. (1993). *Закат Европы*. М.: «Наука».

ELITE AND FRONTIER

Karabushenko P.L.

Karabushenko Paul Leonidovich, doctor of Philosophy, professor.
Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatischev 20a.
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Stability of elite is measured by level of the quality of its consistency. All elites try to posit their authority via strengthening of the ruling system, which controls sources and information. Any violation of the norms of this system creates “splits” (“failures”) in its whole area beyond the control zones. The given singularity can be considered a manifestation of frontier, as the situation can be described by means of this category. For the elite groups the frontier is always a stressful situation able to cardinaly change their very essence. The reaserach of elites within the zone of stressful anomalies is one of perspective subjects of modern elitological studies. It is various frontier situations that allow elites to survive and reveal their vital forces or be lost under the weight of disadvantages and problems.

Key words: acmeology, axiology, bifurcation, passionarity, synergetics, singularity, frontier, elite, elitology

References:

1. Dahrendorf, R. (1965). *Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts*. (in ed. Gesellschaft und Freiheit). München.
2. Dahrendorf, R. (2003). *Über Grenzen: Lebenserinnerungen*. München: Beck, 2003.
3. Karabushchenko, P.L. (2013). Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism. *European Applied Sciences*, 1, pp. 232-235.
4. Karabushenko, P.L. (2015, July) The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 4, pp. 696-702.
5. Karabushenko, P.L. (2015, September) Russian Learned Elite to Search New Development Purport. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5, pp. 529-535.
6. Lasch, Ch. (1995). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W. W. Norton & Company. New York - London.
7. Mannheim, K. (1953). *Mannheim. Essays on sociology and social psychology*. L.
8. Ortega y Gasset, J. (1975). *La rebellion de las masas*. Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente.
9. Spengler, O.A.G. (1918). *Der Untergang des Abendlandes*. Wien: Braumüller.
10. Spengler, O.A.G. (1922). *Der Untergang des Abendlandes*. München: C. H. Beck
11. Toynbee, A.J. (1987). *A Study of History: Volume I: Abridgement of*. Oxford University Press.
12. Ashin, G.K. (2010). *Elitologii: History, Theory, Modernity: a monography*. M.: MSIIR (University).
13. Berdyaev, N.A. (1994). *The meaning of creativity*. (Ed. The philosophy of creativity, culture and art in 2 V.1). M.: Art.
14. Hobbes, T. (1991). *Leviathan* (ed. Works in 2 vols. V.2). M.: «Idea».
15. Gumilev, L.N. (1993). *Ethnosphere: The history of people and the history of nature*. M.: Ekopros.
16. Karabushchenko, P.L. (2013). *Elitology*. In PL Karabushchenko (eds.), *Elitology: Collegiate Dictionary*. M.: «Eco-Inform».
17. Karabushchenko, P.L. (2014). Elite and anarchy. *Questions elitology: philosophy, culture, politics*, T.11, pp. 152-163..

18. Summit G7, (2016). G7 Summit in Japan began with a warning about the threat of the scale of the 2008 crisis. Retrieved from: <http://www.newsru.com/world/26may2016/g7abecrisis.html>
19. Toynbee, A.J. (2001). *Study of History: Collection*. М.: Rolf.
20. Spengler, O. (1993). *Decline of the West*. М: «Science».

АСТРАХАНСКИЙ СЛОН

Канатьева Н.С.

Канатьева Наталья Сергеевна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а.
Эл. почта: nessy71@mail.ru.

Рецензия на книгу Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Мне посчастливилось (я не иронизирую) родиться на территории фронта – а именно Нижневолжского. Я не стану описывать особенности фронтных пространств – это было бы странным в журнале, называемом «Фронтные исследования», но на одной из этих особенностей всё же остановлюсь, назвав её филологической трансгрессией. Меня, как человека, родившегося на фронте, всегда очень интересовали языковые заимствования и иностранные слова. А ещё я просто люблю их употреблять.

«Языковые заимствования результируют процесс освоения нового и подражание чужому, соответствуя поведенческим тактикам подражания и адаптации» - так начинается глава «Новые слова – новые вещи» из книги Константина Богданова «О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов». Эта фраза, на мой взгляд, кратко и убедительно определяет сущность филологической трансгрессии, (см. выше) столь распространенной на фронтных территориях. Хотя книга Богданова не столько и не только об этом. Со времени её выхода прошло уже десять лет, но, как говорил поэт, «лицом к лицу лица не увидать – большое видится на расстоянии». За эти десять лет многое изменилось, в стране и в общественном мнении, и слова благодарности автора, высказанные в начале книги спонсору, без которого она не была бы издана, из констатации факта сегодня превратились в гражданскую позицию – книга вышла в издательстве «Новое книжное обозрение», на деньги Ирины Прохоровой. Поэтому история экзотизмов и заимствований в России, написанная известным петербургским историком культуры, ведущим научным сотрудником Института русской литературы РАН, доктором филологических наук Константином Анатольевичем Богдановым, приобретает для меня отчётливое либерально-оппозиционное звучание.

В самом деле, может ли быть что-то менее патриотичное, чем широкое использование в речи иностранных слов и экзотических наименований? Не являются ли культурной миной замедленного действия заграничные слова и понятия, проникающие в русскую культуру? А фронтирные территории – плацдармом для проникновения и угрожающей языковой экспансии Запада? (и Востока тоже). И может ли быть что-то ещё настолько чуждым отечественным осинам и берёзам (или, в нашем конкретном астраханском случае, верблюжьей колючке и камышу), как холоднокровная рептилия с далёких нильских берегов?

Богданов подходит к крокодилу издалека. Вначале он выявляет важные языковые заимствования и преобразования их в русской среде – ведь, как тонко подмечает ещё один добровольный рецензент этой книги, Всеволод Бродский, «наша культура приучилась с особой энергией переваривать инородные воздействия». Началось всё с «куриозности», кальке с французского, заимствованной в XVIII веке, превратившейся в «любопытство» и изменившей, по мнению Вс. Бродского, национальный характер – лишь переведя это слово на русский язык, соотечественники ринулись осваивать новые (фронтирные) территории, а главное – «экстенсивно осваивать европейский мир». Вот, оказывается, от каких соломинок окончательно переламывается спина кроко..., простите, верблюда.

Я не стану (хотя очень хочется) останавливаться на истории (по Богданову) понятия «народность» - и тем более «православие» и «самодержавие». Далёкому от либеральных кругов человеку может показаться – ну что может быть более русским, символичным, якорным, наконец, понятием, как эта триада?! Оставлю далёкого человека в этом приятном убеждении и перейду уже к астраханскому слону, так многообещающе и несколько опрометчиво заявленному в заголовке.

Слоны идут сразу за любопытством и являются, по-видимому, «символическими референтами, требующими их соотнесения с парадигматическими ценностями традиционной культуры» (стр. 49). В книге слоны появляются в главе «Слоны и кофе: чужое как своё», а в России – в эпоху Петра, которая, на взгляд автора, имела ещё и такую особенность, как ощущение «**сочувственного** интереса (выделение моё – НК) к заморским чудесам». И вправду, «на фоне появления бритых вельмож и чиновников, одетых в иноземные костюмы» (там же), слону русский человек, известный своей жалостливостью и загадочной русской душой, мог только посочувствовать.

Причём же тут Астрахань? Дело в том, что первый русский слон появился именно в нашем родном городе, будучи привезён туда на корабле (так у Богданова. Я знаю, что корабли – только военные. – НК) по Каспийскому морю. Первому русскому императору первый русский слон был подарен персидским шахом Надиром, а произошло это в 1713-14 гг. Из Астрахани в Санкт-Петербург слон добирался пешим путём, и, по словам Богданова, «документальная канва событий оттеняется анекдотическими и уже не поддающимися проверке подробностями. Так, например, по слухам, для путешествия по России слону потребовались специальные кожаные башмаки, требовавшие постоянного ремонта и тем самым обогатившие его проводников». Особенно прекрасно в этой истории то, что сопровождали слона почему-то армяне. Хотя армяне и сейчас лучшие сапожники в Астрахани.

Русские астраханцы тоже поучаствовали в путешествии слона. По словам сопровождающих армян, «русские молились этому зверю, а около ста человек, захватив с собой мешки с едой, сопровождали его как некое божество более сорока миль».

Слон благополучно добрался до Санкт-Петербурга (видимо, армяне-сапожники не посрамили чести ремесла). Но здесь его ждали испытания и ранняя гибель. Во-первых, в отличие от жителей фронта – астраханцев, которые молились на слона, жители культурной столицы бросали в него камни и палки, так что провожатые были вынуждены пожаловаться градоначальству, и был издан специальный указ «О неучинении помешательства слоновщику в провожании слона». Во-вторых, спустя всего три года, 23 мая 1717 г. слон «помер из-за того, что в специально построенном для него доме слишком сильно топили и воздух сделался угарным» (стр. 51).

Сведения о первом русском слоне К.А. Богданов цитирует по нескольким источникам: «Повседневным запискам генерал-губернатора Петербурга светлейшего князя А.Д. Меншикова», труду брауншвейгского резидента (так он сам себя позиционирует – НК) Х.Ф. Вебера «Записки о Петре Великом и его царствовании» и статье П. Столпянского «Старый Петербург. В зверином и птичьем мире» в журнале «Человек и природа» за 1926 год. К сожалению, в этом небольшом списке нет ни одного астраханского источника, хотя наверняка такое событие, как приезд первого слона, не могло быть не отражено в архивах. Но в мои задачи вовсе не входит восстановление исторической истины о пребывании в Астрахани первого русского слона. Я пишу рецензию на книгу.

И вот, наконец, появляется крокодил, давший название книге. Рецензент Вс. Бродский увидел следующую эволюцию «рептилии общественного значения», выведенную Богдановым: «ником не виданное на Руси воплощение хтонического безобразия последовательно превратилось в метафору подсознательных кошмаров у поэтов-романтиков, в полупародийный символ пенитенциарной системы у Достоевского, затем Чуковский разыскал в крокодиле абсурдный образ некоей страшной Власти и наконец академик-историк Рыбаков сделал его воплощением выдуманной им языческой сущности русского народа» (Вс. Бродский. Рептилия общественного значения. Эксперт, № 19(513), 22.05.06). Это всё очень ясно и наглядно представлено искренне уважаемым мною Вс. Бродским. Но я ещё добавлю, что после академика Рыбакова (оставим ему славян-язычников!) Богданов описывает роль и значение крокодила в бурные периоды русской истории, горбачевскую перестройку и ельцинские 90-е годы XX века. В качестве иллюстраций приводятся несколько натужные, на мой взгляд, анекдоты про Брежнева, которого крокодил проглотил, и сатирический рассказ Элизера Воронель-Дацевича о горькой судьбе крокодила, якобы подаренном Рейганом Горбачёву. Ну, не обошлось и без застарелых антисоветчиков Комара и Меламида, а также Резуна, более известного под оперативным псевдонимом «Виктор Суворов». Указанный господин в своих описаниях поднимается до подлинно шекспировских страстей: «Истекая кровью, советский крокодил пытается атаковать... В тот момент, когда крокодил крался к жертве, он сам получил жесточайший удар, но даже это не останавливает его, и вот крокодил атакует» (Суворов В. Ледокол. Гл. 32. – цит. по К. Богданов ... стр. 227). Это, если кто не понял, описание первых дней Великой Отечественной войны 1941-45 гг, а крокодил – это Красная Армия. Комар и Меламид тоже прекрасны, но скромны, крокодил у них всего лишь греется у костра в компании «рядовых творцов революции» (Богданов), а картина называется хорошо и просто: «Большевики, возвращающиеся домой после демонстрации». Причём большевики и знамя – большие и строгие, а крокодил – маленький и трогательный.

Разумеется, не обошлось и без В.В. Путина (в этом месте мой компьютер самовольно поменял яркость шрифта. Я не шучу). К. Богданов приводит пример инноваций в «инвективной персонализации политических противников», рассказывая об одном из подарков Путину в день его пятидесятилетия, 7 октября 2002 года. Подарок был сделан тогдашним президентом Молдавии Владимиром Ворониным, «который вручил юбиляру хрустального крокодила, заметив при этом, что

крокодил назад не ходит» («Крокодил назад не ходит!» Московский комсомолец, 2002.8.10. Цит. по Богданов..., стр. 228). Комментариев не будет.

Честно говоря, замечательные цитаты из этой книги можно приводить бесконечно. Но ведь цель моя всё же не в переписывании первоисточника! Она состоит в том, чтобы возбудить интерес к этой крайне познавательной книге. Я искренне надеюсь, что мне это уже удалось.

Несколько слов о недостатках. Я бы отметила некую неоднородность повествования, которая становится вполне понятной, если знаешь, что это, по сути, сборник лекций, прочитанных в разное время, а главное, разным аудиториям. Но автор и сам пишет об этом в Предисловии, предвосхищая, таким образом, возможную критику на этот счёт. Больше претензий у меня нет.

Я всячески рекомендую к прочтению книгу Константина А. Богданова «О крокодилах в России». Мне вообще нравятся все его книги. Посмотрите, какой выбор тем: «Деньги в фольклоре», «Очерки по антропологии молчания», «Повседневность и мифологии: исследования по семиотике фольклорной действительности», «Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков», «Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры», «Из истории клякс: Филологические наблюдения», «Переменные величины: Погода русской истории и другие сюжеты». И книга «О крокодилах в России» не затерялась среди, а заняла своё достойное место.

Библиографический список:

1. Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

ASTRAKHANESE ELEPHANT

Kanateva N.S.

Kanateva Natalia Sergeevna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, st. Tatishcheva 20a.

E-mail: nesy71@mail.ru

Review of the book Bogdanov K.A. About crocodiles in Russia. Sketches from the history of borrowing and exoticism. M.: New Literary Review, 2006.

References:

1. Bogdanov K.A. About crocodiles in Russia. Sketches from the history of borrowing and exoticism. M.: New Literary Review, 2006.

ПЛЕНЕННЫЕ КАВКАЗОМ И НА КАВКАЗЕ¹.

Романова А. П.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет,
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева 20а. Эл. почта aromanova_mail@mail.ru

Рецензия на книгу: Маркелов Н.В. «Русские на Кавказе». М.: Гелиос АРВ, 2011.

Эта книга попала мне в руки в санатории «на водах» несколько лет назад, когда я, будучи сама уроженкой Кавказа, волею судеб и научных интересов вплотную обратилась к проблеме Кавказского фронта. В санаторной библиотеке оказалась хорошая подборка краеведческой литературы, и я набрала целую стопку, благо, приветливая библиотекаря этому не препятствовала. Проглядев беглым взглядом все что имелось, я начала именно с этой книги, потому что, с одной стороны, она была написана в публицистической манере, что весьма потворствовало курортной лени, а с другой, была снабжена вполне приличным справочным аппаратом, что свидетельствовало как о научной добросовестности автора, так и о его профессионализме. Жанр этой работы сложно определить как монографию, сам автор ее определяет как «книгу», что наиболее близко к реальности. Он ставит перед собой вроде бы простую, но на самом деле весьма сложную и взрывоопасную задачу – «поговорить о бурных днях Кавказа».

В самом тексте Н.В. Маркелов не употребляет термина «фронт», но, по сути – это повествование о фронте, где на первый взгляд, по одну стороны – кавказцы, горцы, «дикость и варварство», по другую сторону – русские офицеры, путешественники и писатели, представители имперской цивилизации. Однако, по законам фронта, именно там происходит смешение позиций, определенного рода трансгрессия: русские офицеры с гордостью именуют себя «кавказцами», носят горскую одежду, а дети кавказской знати как аманаты, воспитываются в аристократических семьях. Хотя ни тех, ни других это их ни к чему не обязывает.

Книга читалась легко, как художественный роман, несмотря на ее вполне документальную основу. Передо мной в современном быстром и клиповом формате прошла вся история «контакта» России и Кавказа без глянца и умалчиваний. Хотя в книге было два главных «героя» – Россия и

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».

Кавказ, представлены они были во множестве образов. Две базовые фигуры сквозным рефреном проходящие через все повествование о Кавказе – А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов – как писатели и как люди, видевшие Кавказ, плененные его красотами и своеобразностью.

Во дни печальные разлуки

Мои задумчивые звуки

Напоминали мне Кавказ (А.С. Пушкин)

Оба написали поэмы «Кавказский пленник», ставшие хрестоматийными. Вообще теме пленения – весьма актуальной для любого фронта, а для кавказского в особенности, посвящена целая глава книги, где литературные герои перемежаются с вполне реальными образами, «поскольку вымысел всегда порождается жизнью, а жизнь иногда превосходит пределы самой причудливой фантазии» (Маркелов с.148) Автор анализирует как особенности бытия и характера литературных пленников, их спасение прекрасными горскими женщинами, так и детали содержания и спасения реальных пленников, таких как, например, майор Павел Швецов. Отводится место и пленникам (заложникам) с противоположной стороны, так называемым аманатам. В частности, интересен рассказ о художнике горского происхождения П.З. Захарове, воспитанном в семье Ермоловых.

Об этом потом в поэме «Мцыри» и упомянул М.Ю. Лермонтов:

«Однажды русский генерал

Из гор к Тифлису проезжал;

Ребенка пленного он вез»

Впитавший в себя традиции европейской культуры, высоко оцененный К. Брюлловым, П.З. Захаров, крестник генерала Ермолова, будучи истинным человеком фронта, всегда рядом со своей фамилией писал – «чеченец». Судьба его тоже фронтна. Став академиком живописи, написав портреты Ермолова, Лермонтова, Муравьева, получив признание, женившись по большой любви, он через несколько месяцев вслед за женой умирает от чахотки.

Российская сторона кавказского фронта представлена в книге массой известных фигур боевых офицеров: проконсул А.П. Ермолов, казачий атаман граф М.И. Платов, автор известных мемуаров Ф.Ф. Торнау, декабрист А.И. Якубович, партизан Д.В. Давыдов, генерал П.Х. Граббе и многие другие.

Жизнь Кавказа воплощали в литературных произведениях не только А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, но и Л.Н. Толстой, А.С. Грибоедов, А.А. Бестужев (Марлинский), Александр Дюма, А.И. Полежаев и многие другие.

Фронтир есть фронтир. Не меньше внимания уделено Маркеловым и фигурам с кавказской стороны, не менее значительным и по-своему величественным: Шамиль, Зелимхан, Кази-Мулла. Они показаны вольнолюбивыми, стойкими, храбрыми, заслуживающими уважения противника, не смотря на все издержки военных действий.

Отдельная глава отведена загадочной истории Измаила Атажукова и Росламбека Мисостова. Близкие родственники, отпрыски знатнейших кабардинских фамилий, оба были российскими аманатами, прекрасно владели русским языком, дослужились до полковников. Измаил, вернувшись на родину в 1804 г, оказался в сложной ситуации. «Покинув Кабарду почти двадцать лет назад, теперь он был не только чужой среди своих, но и среди чужих тоже не свой» (Маркелов с.39) Ему не доверяли обе стороны. Его кузен, Росламбек Мисостов, все время ходил по лезвию ножа, готовый к переходу на сторону немирных кавказцев. Этот момент ярко описывает граф А.Х. Бенкендорф, который в молодости рискнул отправиться в гости к Росламбеку в горы. «Наблюдая с самодовольным видом как мы любовались его войском, князь заметил нам, как бы между прочим, что у нас всего один конвой казаков». (Маркелов с.43) Росламбек бежал за Кубань и остался в горах. В литературной версии истории взаимоотношения двух братьев живописно изложенной М. Ю. Лермонтовым в поэме «Измаил-бей» есть место любви, предательству, чести и верности. Коварный Росламбек убивает честного и верного России Измаил-бея. В реальности, подтвержденной документально, именно Росламбека убили по приказу Исмаил-бея. Таким образом, эта леденящая душу история имеет вполне фронтирный конец, как жизни, так и в литературе. А ее амбивалентность только подчеркивает ее фронтирную направленность.

Издание богато украшено иллюстрациями, в том числе портретами героев книги, гравюрами, рисующими мир Кавказа, выполненными многими известными Российскими иллюстраторами, в том числе М.Ю. Лермонтовым.

Прочитав эту книгу, вы получите не только удовольствие от самого текста, но и представление о многослойности ситуации на кавказском фронтире, об амбивалентности фронтирных характеров, о месте Кавказа в русской культуре и русской душе.

Библиографический список:

1. Маркелов Н.В. (2011) *Русские на Кавказе*. М.: Гелиос АРВ.

CAPTIVATED BY THE CAUCASUS AND IN THE CAUCASUS

Romanova A.P.

Romanova Anna Petrovna, Astrakhan state university, 414056, Russia, Astrakhan,
Tatischeva str., 20A, e-mail: aromanova_mail@mail.ru

Book Review: Markov N.V. Russian in the Caucasus. M.: Helios ART 2011.

References:

1. Markelov N.V. (2011). *Russians in Caucasus*. M.: Gelios, ARV.

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2

2016

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2

2016